

5 (18) июля

Преподобномученицы
**Великая княгиня Елисавета
и инокиня Варвара (Яковлева)**

Преподобномученица Елисавета^а (Элизабет-Александра-Луиза-Алиса, принцесса Гессен-Дармштадтская) родилась 20 октября 1864 года в семье принца Гессенского Людвига^б и принцессы Гессенской Алисы, дочери королевы Английской Виктории, имя которой тесно связано с эпохой расцвета Британской империи. Королева Виктория показала себя в своем политическом прагматизме истинной патриоткой своего отечества; браки ее детей и внуков воспринимались ею исключительно как составляющая часть строительства Британской империи. Она считала делом первостепенной государственной важности выгодно выдавать своих дочерей и внуков за императоров других государств, хотя бы при этом и пришлось поступаться конфессиональными или религиозными принципами.

Елизавета была названа в честь Елизаветы Тюрингской, одной из родоначальниц Гессенского дома, которая отличалась милосердием, сострадательностью к бедным и щедрой благотворительностью. В семье ее звали по-домашнему – Эллой. После ее рождения принцесса Алиса писала своей матери королеве Виктории: «Мы любим Елизавету, потому что святая Елизавета была родоначальницей Гессенского дома так же, как и Саксонского».

Детство Эллы пришлось на время очень значимых для Европы событий. «Летом 1866 года совершилось событие огромной исторической важности. Германия, раздробленная в течение столетий, начала спланиваться под руководством гениального прусского министра в одно сильное целое». Этим министром был Отто Бисмарк, а начало объединению положила Австро-прусская война, продолжавшаяся семь недель и закончившаяся победой Пруссии. Гессен-Дармштадт выступал на стороне Австрии, и после ее поражения прусские войска оккупировали его. Все политические силы при этом остались на своих местах, но побежденным пришлось платить дань победителям, что существенно отразилось на материальном положении семьи принца Людвига, воевавшего на стороне Австрии.

Принцесса Алиса была умной и нежной матерью и любящей супругой, все свое время она уделяла семье и своим подданным. Она была всецелой поклонницей и проводницей принципов, в которых была воспитана королевой Викторией, где любовь означала на практике крайнюю строгость – ранний подъем (в шесть утра круглый год), длинный рабочий день, начинавшийся в семь

^а Документы, свидетельствующие о жизни преподобномученицы Елисаветы, многочисленны; это и воспоминания многих лиц, и архивные документы, в которых зафиксирована практическая сторона ее деятельности, и воспоминания о лицах, с которыми она вела отношения, и сохранившееся значительное эпистолярное наследие как ее самой, так и ее корреспондентов, дающее вполне ясное представление о характере ее личности и взглядах. Жизнь великой княгини непосредственно соприкасалась со многими политическими событиями того времени, она сама вела отношения с политическими деятелями, что также нашло отражение в документах. Поэтому в данном случае агиограф предпочел в большей степени, чем обычно, цитировать оригинальные документы, чтобы о тех событиях свидетельствовали в основном очевидцы.

^б С 1877 г. – великий герцог Гессенский и Рейнский Людвиг IV.

часов утра, полную рабочую неделю, в иные периоды исключавшую вовсе воскресный отдых, и абсолютное послушание старшим. Главный воспитательный принцип, который проводила в жизнь королева Виктория по отношению к собственным многочисленным детям, – это ни при каких обстоятельствах их не баловать. Этот же принцип проводила и принцесса Алиса. Весь свой дом и быт в Дармштадте она устроила на английский лад. С детьми она говорила только по-английски, исключение делалось лишь для сына Эрнста-Людвига, который должен был наследовать герцогский титул, – его как следует обучали немецкому языку. В девять часов был первый завтрак, в два часа обед, в пять – традиционный английский чай. Раз в две недели – посещение церкви. Каждый день обязательные прогулки. Алисе удалось в воспитании детей вполне добиться осуществления принципа регулярности и порядка.

Впоследствии, когда на попечении ее дочери, великой княгини Елизаветы Федоровны, и ее мужа оказались племянники, то они воспитывали их примерно таким же образом, что и принцесса Алиса, и дети, хотя родились и жили в России, долго не знали русского языка, разговаривая исключительно на английском. Дети принцессы Алисы так часто гостили у своей бабушки королевы Виктории в замках Виндзорском и Балморал, во дворце Осборн-Хаус, что те им стали, в конце концов, столь же родными, как и их устроенный на английский манер дворец в Дармштадте, обставленный мебелью, которую королева Виктория лично прислала им из Англии.

Принцесса Алиса своим государственным долгом считала необходимым покровительствовать интеллектуальной элите. В ее доме бывали поэт Альфред Теннисон, историк Томас Карлейль, искусствовед Джон Рескин, в домашних диспутах участвовал известный германский философ Давид Штраус. Сама хорошо играя на рояле, она принимала в своем доме многих музыкантов, иногда разыгрывала в четыре руки музыкальные пьесы вместе с композитором Иоганнесом Брамсом. Дети, Виктория, Элла, Эрнст и Аликс, унаследовали от нее музыкальные дарования; Элла пела альтом, Аликс была хорошей пианисткой и исполнительницей романсов. Следуя лютеранской религиозной традиции, каждую субботу дети с большими букетами цветов отправлялись в больницу на Мауэрштрассе, ставили цветы в вазы и разносили их по палатам больных, ведя с ними беседы. Принцесса Алиса до конца жизни оставалась верна английским принципам и идеалам – благосостояние герцогства она ставила превыше всего, и примером такого рода служения была для нее королева Виктория. Тактичная и рассудительная принцесса Алиса основала в герцогстве многие благотворительные учреждения. Во время Австро-прусской войны она устроила в своем доме госпиталь и создала в рамках организации Красного Креста женское общество. Все эти жизненные навыки и традиции впоследствии были реализованы в России ее дочерьми Эллой и Аликс.

Первая половина XIX века в Германии стала расцветом деятельности лютеранского пастора Теодора Флиднера, основавшего в 1833 году в городе Кайзерверте близ Дюссельдорфа Общество диаконисс для помощи больным и беднякам. Жалованья диакониссы не получали, но «имели бесплатное питание, деньги на мелкие расходы и одежду – рабочую и выходную». Они обязывались трудиться в общине пять лет, но не были связаны никакими обетами и могли выйти замуж, и в этом случае в общину уже не возвращались. Флиднер основал в Германии Тюремное общество, «Союз для ухода за больными в Рейнской провинции и Вестфалии», приют для девочек-сирот и тому подобное. В 1849 году

для большего успеха своей деятельности и разворачивания ее по всему миру он отказался от пасторского служения. В 1851 году Флиднер организовал лечебницу для душевнобольных женщин, а незадолго перед смертью – богадельню для престарелых диаконисс. Успех его деятельности был столь значителен, что к началу XX столетия в одной только Германии насчитывалось восемьдесят общин диаконисс с персоналом в двадцать тысяч человек. Впоследствии великая княгиня Елизавета Федоровна, воспользовавшись опытом Флиднера, основала в Москве Марфо-Мариинскую Обитель милосердия, предполагая устроить со временем ее филиалы в разных частях страны.

В 1878 году в Дармштадте разразилась эпидемия дифтерита, которая не миновала и герцогского дворца. От болезни умерли четырехлетняя дочь Людвига IV и супруга, великая герцогиня Алиса Гессенская, которой было тогда всего тридцать пять лет. Верная воспитанию королевы Виктории, она завещала покрыть свой гроб английским флагом. Элле исполнилось в это время четырнадцать лет, а ее старшей сестре Виктории пятнадцать. Через три года, в 1881 году, обе сестры стали выезжать в свет и о них заговорили как о самых красивых невестах немецких дворов. Одним из претендентов на брак с принцессой Эллой стал принц Прусский Вильгельм, будущий кайзер Германии, который хорошо ее знал, часто приезжая к своим родственникам в Дармштадт. Мать Вильгельма, старшая дочь королевы Виктории, однако, была против этого брака по причине их близкого родства, не желала за него выходить и сама Элла.

6 ноября 1883 года состоялась неофициальная помолвка Эллы с великим князем Сергеем Александровичем, который был хорошо принят в семье великого герцога Людвига IV. Герцог писал по этому поводу императору Александру III: «Я не колеблясь дал свое согласие, потому что знаю Сергея с детства, вижу его хорошие и приятные манеры и уверен, что он сделает мою дочь счастливой».

В феврале 1884 года великий князь Сергей Александрович отправился в Дармштадт для официальной помолвки. Воспитатель великого князя контр-адмирал Дмитрий Сергеевич Арсеньев, сопровождавший его в этой поездке, писал: «В Дармштадте нас приняли очень родственно. Великий князь и я, мы были помещены во дворце великого герцога, а остальные – в других дворцах. Принцесса Елизавета была прелесть как красива и мила и ангелоподобна, она не могла не нравиться, и я был очень счастлив за Сергея Александровича, что Господь послал ему такую подругу жизни! Сердце ее было добрейшее и нрав ее ангельский. К тому же направления она была серьезного и очень хорошо воспитана. <...>

Обручение состоялось! При дармштадтском дворе были все обычные торжества: обед, бал и т.п. Все было очень симпатично и радостно! <...> Все дармштадтское семейство радовалось этой свадьбе, все члены его свято чтить память покойной императрицы Марии Александровны^a и были счастливы заключаемыми новыми узами между новым поколением русской и дармштадтской семьи!»

Сергей Александрович в письме к брату Павлу так описывал эту поездку в Дармштадт: «Саша^b поручил мне передать Элле ленту Екатерининскую, а Минни^c – чудесную брошку с большим сапфиром. Я был очень тронут. Я ей вез

^a Супруга российского императора Александра II, мать великого князя Сергея Александровича, урожденная принцесса Гессенская, дочь великого герцога Гессенского Людвига II.

^b Брат великого князя Сергея Александровича, император Александр III.

^c Императрица Мария Федоровна, супруга императора Александра III.

pendeloque^a из громадного сапфира-кабошон редких размеров и красоты, брошку бриллиантовую и жемчуга, кольцо с кабошоном сапфировым и один из парижских вееров. <...> Элла мне подарила кольцо с сапфиром и двумя бриллиантами, que je porte avec les bagues de Maman et Оля^b. Нашел здесь совершенную весну – листья распускаются, весенние цветы тоже и воздух теплый. Одним словом, полное благорастворение воздушных. Время идет отлично. Элла, если можно, еще красивее. Мы с нею много сидим вместе; по утрам она в моей комнате, и я ее немного учу по-русски, что очень забавно, даже заставляю писать; между прочим, учу ее словам „Боже, Царя храни“ <...>. Были мы с Эллой у фотографа. Пришлю тебе карточки: так забавно и очень недурно. <...> На днях был маленький бал – очень мило, и мы с Эллой усердно отплясывали, но, конечно, оживления ноль, et puis l'on va a trios temps^c, что ужасно. Был большой обед de fiançailles^d в замке, и Элла в первый раз появилась в Екатерининской ленте».

В мае 1884 года Элла выехала в Россию. Ее приезд был обставлен с необыкновенной роскошью. Вся семья герцога сопровождала принцессу, в том числе с ней ехала сестра Аликс, будущая супруга императора Николая II. Великий князь Сергей Александрович распорядился украсить все вагоны поезда душистыми цветами белого цвета. На каждой остановке поезд встречали толпы народа во главе с представителями власти и духовенства. 27 мая, в день Святой Троицы, принцесса Элла с родственниками прибыла в Москву.

Элла писала бабушке королеве Виктории: «<...> наше путешествие совсем не было утомительным, и сегодня, хотя я и вернулась после визитов, чувствую себя вполне свежей. Вся семья так добра к нам, и мое расставание поэтому будет чуть менее тяжелым, хотя приходят моменты, когда я чувствую большую грусть. Этими днями у нас будет только семейный завтрак, а выезды – вечерами, когда еще вполне светло. В субботу будет торжественный въезд, и мы останемся на ночь в Петербурге. Я думаю, что свадьба будет в 12 часов дня на следующий день».

2 июня состоялся торжественный въезд принцессы в Санкт-Петербург. В красивой золоченой карете императрицы Екатерины II, с восьмеркой белых лошадей, с фореяторами в золотых ливреях, она направилась в Зимний дворец. В карете вместе с принцессой ехала императрица Мария Федоровна, супруга императора Александра III, за ними следовали кареты с другими членами дома Романовых.

Рано утром в воскресенье, 3 июня, принцессу Элле «посадили перед зеркалом императрицы Анны Иоанновны. Придворный парикмахер делал ей локоны, которые спускались по плечам, а императрица Мария Федоровна помогала ему, подавая шпильки, гребни и прикрепляя бриллиантовую диадему и великокняжескую маленькую корону. Бриллиантовые диадема, корона, ожерелье и серьги соответствовали одно другим. Они когда-то принадлежали императрице Екатерине II и надевались на каждую невесту великих князей дома Романовых. Серьги были до того тяжелые, что их прикрепляли к ушам невесты золотой проволокой <...>. В ее туфлю вкладывалась золотая монета – „на счастье“».

Венчание великого князя Сергея Александровича и принцессы Эллы состоялось в храме Нерукотворного Спаса в Зимнем дворце, после чего в

^a подвеску (фр.).

^b которое я ношу с кольцами Мама и Оли (фр.).

^c и затем танцуют вальс в три такта (фр.).

^d по случаю помолвки (фр.).

Александровском зале дворца пастор церкви святой Анны, Фрейфельд, совершил его по лютеранскому обряду. В шестом часу вечера начался обед в Николаевском зале. Играл оркестр Императорской русской оперы под управлением капельмейстера Направника. Около девяти часов вечера в Георгиевском зале начался бал, открывшийся польским полонезом.

4 июня был опубликован манифест императора Александра III, в котором возвещалось о браке его брата, великого князя Сергея Александровича, с принцессой Эллой и было повелено: «супругу великого князя Сергея Александровича именовать великой княгиней Елисаветой Феодоровной с титулом Императорского Высочества».

После свадьбы супруги уехали в село Ильинское, располагавшееся неподалеку от Москвы, где находилось имение великого князя Сергея Александровича. На пути в Ильинское они остановились в Москве.

Елизавета Федоровна писала о своих первых впечатлениях о Москве королеве Виктории: «В тот день, когда мы приехали сюда, мы осмотрели разные замечательные церкви и дворец с залами, где происходили торжества коронации. На следующий день, вчера, мы поехали в Троице-Сергиеву лавру и посетили разные другие церкви там. Они такие изумительные, и некоторые построены в XIV веке. Конечно, там были священные изображения, но, когда Сергей становился на колени и прикладывался к ним, я делала очень низкие реверансы так, чтобы не очень шокировать людей, и я не думаю, что я зашла этим слишком далеко. Я только целовала крест, когда его протягивали мне, и, так как здесь принято целовать руку священнику... я это делаю. Это является жестом вежливости...»

Живший некоторое время в Ильинском Владимир Джунковский, впоследствии товарищ министра внутренних дел и командир корпуса жандармов, писал в своих воспоминаниях: «Ильинское представляло собой <...> чудный огромный парк на берегу Москвы-реки, на крутом берегу которой стоял <...> средних размеров двухэтажный дворец с двумя огромными террасами по обеим его сторонам у верхнего этажа, одна из них имела еще большую площадку, с которой вела в сад полукруглая лестница, другая же имела отлогий широкий спуск прямо на большую аллею, ведущую к обширной библиотеке, помещавшейся в новом каменном здании очень красивой архитектуры. Для лиц свиты и приезжих по парку были раскинута небольшие домики, разделенные на уютные квартиры из двух-трех комнат со всеми удобствами, скромно, но с большим комфортом меблированные. Все эти домики имели свои названия: ближайший ко дворцу „Приют для приятелей“ имел две квартиры для фрейлин, одна внизу, другая наверху. <...> Следующий домик – „Пойми меня“. <...> Затем были еще домики: „Миловид“ и „Кинь грусть“. В первом отводились помещения для приезжих, во втором наверху помещалось отделение канцелярии генерал-губернатора и жили понедельно старшие делопроизводители по очереди с двумя чиновниками, внизу же было отделение конторы двора Его Высочества, жил чиновник конторы и иногда наезжал управляющий конторой <...>. По другую сторону дворца по дороге в библиотеку находился еще домик больших размеров, в этом доме разместились дети великого князя Павла Александровича – Мария и Дмитрий со своим штатом. Кроме всех этих построек шли разные хозяйственные, а также и помещения для служащих в имении и врачебного персонала, состоящего помимо врача из фельдшерицы, фельдшера и служащих в аптеке. Врачебный персонал предназначался для оказания помощи не только служащим,

но и окрестному населению. Ежедневно происходил амбулаторный прием больных и все получали бесплатно лекарства. Часто фельдшер и фельдшерица, а также и доктор, выезжали и по вызову в соседние деревни и села в трехверстной округе. <...> Вся земля, сотня или полторы десятины, помимо парка была использована для фермы, птичника и огорода. Ферм было две: в Ильинском исключительно голландский скот, в Усово – швейцарский. Птичник (великий князь был большой любитель кур) находился в Ильинском, был образцово устроен, каждая порода кур имела обширное помещение, огороженное сетками».

В Ильинском Елизавета Федоровна и Сергей Александрович много времени проводили в прогулках по окрестностям, в приеме гостей, чаще всего близких друзей, с удовольствием ставили домашние спектакли, к работе над которыми привлекали Станиславского и Немировича-Данченко. Елизавета Федоровна все это время усиленно изучала русский язык, для чего ежедневно полтора часа занималась с преподавателем.

В августе великий князь Сергей Александрович с супругой должны были выехать в Санкт-Петербург, а оттуда в Красное Село, где в присутствии великого князя происходили маневры войск. Елизавета Федоровна писала королеве Виктории: «На следующей неделе мы все едем в Красное, где состоится смотр войска и маневры, а затем празднество полка Сергея, и после этого мы возвращаемся в Ильинское. <...> Я начинаю немного понимать по-русски, и у нас уже хороший план для Ильинского: дама, которая дает мне уроки, говорит другим, какие последние слова я учила, и они употребляют их в разговоре, и таким образом я понимаю, о чем они говорят...»

Ноябрь 1884 года Елизавета Федоровна прожила в Гатчине, где в это время жили император Александр III и императрица Мария Федоровна. «Может быть, Вы захотите узнать о нашем пребывании в Гатчине, где я так хорошо провожу время, – писала великая княгиня бабушке в Англию. – Саша и Минни оба такие добрые, и я провожу все послеобеденное время с Минни. Утром мне дают уроки русского языка, потом, после завтрака, императрица приходит ко мне, и мы вместе пишем красками, потом выходим вместе, а после чая император читает – таким образом, время проходит очень приятно. Иногда после обеда мы все остаемся вместе – или пишем, или читаем. В те дни, когда у меня нет уроков, я занимаюсь тем же самым и по утрам... На этой неделе два раза устраивались полковые торжества... »

Весной 1886 года Елизавета Федоровна побывала в Крыму, в Ливадии, откуда писала, делаясь впечатлениями с королевой Викторией: «...после более чем месячного пребывания в этом прекрасном Крыму нам завтра очень не хочется уезжать. Погода такая чудесная, как летом. Все кругом зеленое и покрыто розами, глициниями, жимолостью. Все это покрывает не только дома, но также свисает и с деревьев. Что меня особенно очаровывает – это море, которое напоминает мне Осборн и высокие холмы Шотландии... Здесь много очень красивых дач, и одна особенно мне нравится.

Я продолжаю писать мое письмо на бумаге с фотографией этого дома. Внутри он похож на Виндзор, особенно большой холл с деревянными панелями; и запах тоже – это возвращает меня обратно в дорогу Англию...»¹

В мае 1887 года Сергей Александрович и Елизавета Федоровна ездили в Англию по случаю празднования 50-летия правления королевы Виктории. 12 июня великая княгиня писала императрице Марии Федоровне: «Все эти дни у

меня не было свободной минуты, чтобы снова написать тебе, а сегодня мы едем в Виндзор, и перед отъездом у меня будет несколько спокойных часов. <...> Видела бы ты, как мы носимся тут целыми днями: утром и днем музеи, магазины и т.д., вечером ужины да балы, и так каждый день, пока голова не пойдет кругом – а все-таки мне нравится!»

«Целую неделю, завершившуюся торжественной службой в Вестминстерском аббатстве, устраивались званые вечера, приемы, балы, на которых в качестве хозяйки выступала престарелая королева. <...>

Оказавшись под стрельчатыми сводами средневековой церкви с великолепными цветными витражами, члены королевской семьи, вошедшие в западные двери, по ковровой дорожке направились мимо величественного органа, резных скамей, на которых восседал хор, к высокому алтарю. Громко звучали рожки, сочетавшиеся со звуками органа и с пением хора, исполнявшего гимн „Тебе Бога хвалим“ в честь торжественного события. В центре всеобщего внимания находилась крохотная женщина в черном атласном платье, сидевшая в золоченом кресле. В это время все члены ее семейства, опустившись на колени, молили Бога о ее долголетию и пели национальный гимн».

По возвращении домой Елизавета Федоровна написала королеве Виктории: «Моя дорогая Бабушка! Наше пребывание в Англии кажется сном; и кажется таким странным быть опять здесь – каждый момент я ожидаю, что увижу Папу или одного из родных, входящих в комнату... Сергей и я, мы оба, никогда не забудем всю Вашу доброту, и мы глубоко благодарим Вас от всего сердца.

Могу я опять попросить Вас, если это не доставит Вам много беспокойства? Можете ли Вы послать мне Ваши фотографии для моих трех дам и двух придворных? Я знаю, что они будут весьма тронуты этим и будут хранить Ваш портрет как ценное воспоминание о Вашей доброте к ним...

Сергей и я целуем Ваши дорогие руки с большой признательностью. С глубокой благодарностью мы будем всегда вспоминать ту любовь, которую Вы нам оказали».

После смерти матери, императрицы Марии Александровны, скончавшейся в 1880 году, великий князь Сергей Александрович осенью 1881 года в сопровождении великих князей Константина Константиновича и Павла Александровича посетил Святую Землю. Зная о желании матери посетить Святую Землю и упокоиться здесь, сыновья решили заложить в Гефсиманском саду русский храм, освятив его во имя ее небесной покровительницы – равноапостольной Марии Магдалины. В 1882 году великий князь Сергей Александрович основал Императорское Православное Палестинское Общество, целью которого была забота о паломниках из России, и стал его первым председателем. Осенью 1888 года Сергей Александрович вторично посетил Святую Землю, но уже с супругой Елизаветой Федоровной. Вместе с ними поехал его брат, великий князь Павел Александрович. На праздник Покрова Пресвятой Богородицы состоялось освящение нового храма.

«Я называю наше путешествие и ознакомительным, и духовным. Сначала мы поехали в Назарет и на гору Преображения, а потом приехали сюда, – писала Елизавета Федоровна королеве Виктории. – Это как сон – видеть все эти места, где наш Господь страдал за нас, и также огромное утешение – приехать в Иерусалим.

Страна теперь действительно прекрасная. Кругом все серые камни и дома того же цвета. Даже деревья не имеют свежести окраски. Но, тем не менее, когда

к этому привыкнешь, то находишь везде живописные черты и приходишь в изумление от прекрасных стен вокруг этого города. Это производит настоящий эффект мертвого города. Но иногда встречаются те библейские фигуры в их красочных одеяниях, и они создают настоящую картину на этом спокойном фоне. Я рада, что страна соответствует настроению мыслей... и можно тихо молиться, вспоминая слышанное маленьким ребенком, когда все это воспринималось с таким благоговейным трепетом».

В 1889 году состоялась свадьба великого князя Павла Александровича и греческой принцессы Александры, в 1890 году у них родилась дочь Мария, восприемниками при ее крещении стали императрица Мария Федоровна и великий князь Сергей Александрович.

Зимами великий князь Сергей Александрович и Елизавета Федоровна жили в Санкт-Петербурге, а летом в Ильинском. «У нас каждый день великолепная грибная охота, – писала Елизавета Федоровна о летнем времяпровождении цесаревичу Николаю, – несколько раз собирали больше 300 штук, дни стоят прекрасные: дожди только изредка и погода великолепная. Несколько раз купались с фрейлейн Шнейдер, вода в реке была почти 19 градусов. Вечерами, если пасмурно, мы либо играем в восемь рук, либо вырезаем, слушая чтение мессы Лакоста. По утрам и днем я рисую красками, Павел с женой приходят к обеду и ужину и проводят вечера с нами. После обеда мы выезжаем в разных экипажах и часто пьем чай в Усово, или же молодая пара со своим маленьким двором пьют чай в своем гнездышке – они выглядят ужасно счастливыми и довольными». «В декабре месяце великая княгиня Елизавета Феодоровна устроила у себя во дворце [в Санкт-Петербурге], в одной из обширнейших зал, лаун-теннис, – вспоминал Джунковский. – На полу во всю величину зала было натянута серое сукно, на котором были накрашены линии границ по обе стороны натянутой сетки. Игра происходила обыкновенно по вечерам, а иногда и днем в праздничные и воскресные дни. Приглашались офицеры полка, умевшие играть в лаун-теннис, среди них был и я, постоянно приглашавшийся. Из высочайших особ всегда бывала на этих вечерах великая княгиня Александра Георгиевна, жена Павла Александровича. После тенниса пили чай с разными угощениями и в двенадцатом часу ночи расходились. На этих чисто интимных вечерах бывало очень симпатично, великая княгиня была обворожительна своей простотой и предупредительностью. Эти вечера происходили и в следующем году до Пасхи».

«Я очень много рисую красками, – писала Елизавета Федоровна цесаревичу о своей жизни в Санкт-Петербурге зимой, – а вечерами, если мы не в театре, пока Серж сидит за картами, играю в лаун-теннис в большой зале рядом с галереей и бальными залами. Время от времени присоединяется Павел, еще Фафка^a, обычно наши партнеры – Китти^b, Гадон^c, Шиллинг^d, Джунковский, Зедлер^e, иногда Степанов^f, но из женщин мы двое. Еще я играла на фортепьяно с Аликс^g, пока

^a Княжна Александра Николаевна Лобанова-Ростовская, фрейлина великой княгини Александры Георгиевны, после ее кончины – Елизаветы Федоровны.

^b Екатерина Николаевна Козлянинова, фрейлина великой княгини Елизаветы Федоровны.

^c Владимир Сергеевич Гадон, адъютант великого князя Сергея Александровича.

^d Барон Густав Шиллинг, адъютант великого князя Павла Александровича.

^e Зедлер – барон Александр Лонгинович (Логгинович) Зедделер, полковник лейб-гвардии Преображенского полка.

^f Михаил Петрович Степанов, генерал-лейтенант, адъютант великого князя Сергея Александровича.

^g Великая княгиня Александра Георгиевна, супруга великого князя Павла Александровича.

остальные сражались в лаун-теннис, потому что она считает его скучным. Но это, по крайней мере, хоть какое-то упражнение, ведь в городе мы, как правило, вовсе не двигаемся с места, за исключением коротких поездок в санях или в экипаже да небольшой прогулки по набережной».

Елизавета Федоровна и Сергей Александрович сыграли значительную роль в том, чтобы состоялся брак цесаревича Николая и принцессы Гессенской Аликс. Много хлопот пришлось на 1890 год; чтобы сохранять все переговоры в тайне, Елизавета Федоровна стала называть их именами Пелли один и Пелли два, а иногда о цесаревиче писала «она», а о принцессе Аликс – «он». В обстоятельствах, когда возможности встреч цесаревича и принцессы Аликс были ограничены, она поддерживала в них чувство расположения друг к другу, в переписке с ними и при личных встречах описывая перед каждым достоинства другого.

«Сегодня я написала Аликс и рассказала, как мы вчера долго разговаривали, и о ней тоже, – писала великая княгиня цесаревичу Николаю 19 июня 1889 года, – и что ты с таким удовольствием вспоминал зимний визит и радость встречи с ней^а, и спросила, могу ли передать тебе от нее добрые пожелания. Более определенно говорить я не решилась, однажды ты сделаешь это сам. Бог даст, все будет хорошо. Вера и любовь всегда добьются своего; если они есть – к Богу и к друг другу, – то все к лучшему».

В августе и сентябре 1890 года отец, брат и сестры великой княгини, Виктория и Аликс, гостили в Ильинском, но родители цесаревича не разрешили ему туда поехать, будучи противниками этого брака; также и бабушка, королева Виктория, запретила Аликс видаться с цесаревичем. Тем не менее великокняжеская чета упорно стремилась устроить этот брак.

«Любовь Пелли, – писала великая княгиня цесаревичу 29 августа, – по-прежнему сильна и глубока, только она не может решиться переменить религию, чувствует, что поступает очень неправильно. Я собрала всю силу и любовь, и сестринскую привязанность, чтобы убедить ее, что она не может не полюбить ту религию, к которой и я хочу принадлежать, подлинную и истинную, единственную оставшуюся неиспорченной за века и столь же чистую, какой она была изначально. Мы могли бы сделать этот серьезный шаг вместе – к сожалению, она не может решиться. Нам остается только молить Бога помочь ей поступить правильно, и я так надеюсь на лучшее. Бедняжка, ее терзает, с одной стороны, сильное чувство, а с другой, как она думает, долг. И все же я надеюсь, так как не сомневаюсь, что мне удастся убедить ее поступить правильно. И потом, в конце концов, любовь тоже святое чувство, одно из самых чистых чувств в этом мире. Что касается других ее сомнений, они ничто в сравнении с этим: я и в самом деле считаю, что папа даст согласие, ты окончательно завоевал его сердце. Я говорила с ним. Он сказал очень важную вещь: он никогда не станет запрещать, но знает, что бабушка^б будет раздосадована – в ярости, если это произойдет сейчас или если вы встретитесь сейчас».

30 августа 1890 года великий князь Сергей Александрович писал цесаревичу: «Я только что с ним^с долго говорил об этом – он до сих пор и не подозревал о серьезности дела, и я ему открыл глаза на многое. В конце концов я

^а Зимой 1889 г. Аликс с отцом и братом приезжала в Санкт-Петербург в гости к сестре.

^б Королева Виктория.

^с С великим герцогом Гессенским Людвигом IV.

его спросил – можно ли будет через год возобновить этот разговор, на что он ответил: „Конечно да“. <...>

Жена тебе писала, что ее^а чувства не переменились – напротив. Большое смущение – религия – оно понятно, но и это препятствие можно будет преодолеть – это можно заключить из ее разговоров – она elle a un grand fond religieux^б, смотрит на это так серьезно и добросовестно; по-моему, это хороший залог и верный. Вообще ты можешь быть спокоен – ее чувство слишком глубоко, чтобы могло измениться. Будем крепко надеяться на Бога, с Его помощью все уладится к будущему году. <...> Она очень выросла и удивительно похорошела – меня это даже поразило».

Через четыре дня, 4 сентября, великая княгиня Елизавета Федоровна написала письмо цесаревичу, стараясь со своей стороны обнадежить его: «Мы очень часто говорим с Пелли, я буду давать ей книги и постоянно писать, когда мы расстанемся. Еще, может быть, когда пройдет время, я съезжу к бабушке, я могла бы убедить ее отнестись к этому иначе и не препятствовать счастью влюбленных. Конечно, я никогда не смогу прямо сказать, что ты говорил со мной, но мне, наверное, удастся замолвить за тебя словечко, рассказав ей, каков ты и как добры все твои милые родственники. А едва только Пелли примет решение, я уверена, бабушка сдастся, потому что обожает ее».

«Самая нежная благодарность за твое милое письмо, дражайший Ники, – писала она цесаревичу 18 сентября 1890 года. – Я показала его Пелли, которая была очень тронута и утешена тем, что ты написал и как мило, с добротой и терпением ты принял новости, которые, она боялась, тебя огорчат. Я дам ей много книг, она хочет спокойно позаниматься, и будем верить, что Бог укажет ей правильный путь и придаст мужества – ведь надо будет преодолеть еще много трудностей. Она завоевала все сердца, и все, кто ее видел, в восторге от ее красоты и милых, обаятельных манер. Ты себе не представляешь, как она выросла, как мило и радушно со всеми беседует, каждое ее движение изящнее некуда, просто радует глаз, она так женственна и очаровательна! Уверю тебя, даже не будь она моей сестрой, я бы стремилась видеть ее и наслаждаться ее прелестными деликатными манерами и ангельской красотой. Все, кто видел ее раньше, были поражены огромной переменной, и все у ее ног, даже те, кто любит находить недостатки. Увы, они уезжают через два дня, это было чудесное время, и она так удручена мыслью об отъезде из твоей дорогой страны. Скоро я снова напишу тебе, так как у нас должен быть длинный разговор с ней перед отъездом, а также с папа и Эрни. Грустно, что все складывается не так легко, как хотелось бы, но с молитвами и надеждой приобретается мужество. А она действительно любит тебя так глубоко, что, надеюсь, найдет силы совершить все, что должно».

3 октября 1890 года: «Милый Ники! Самая сердечная благодарность за твое письмо от 24-го. У меня хорошие новости от Пелли, она благополучно доехала и очень довольна своей поездкой. „Мне было так грустно, когда я покидала Россию. Не знаю, но всегда, когда я уезжаю откуда-нибудь, где приятно провела время, и из страны, где есть люди, которые мне особенно дороги, у меня ком в горле. Ведь не знаешь, доведется ли вернуться, что случится за это время и будет ли так же хорошо, как прежде...“ „У тебя есть новости от Пелли? Дай мне знать, хорошо, дорогая?..“ „Книгу Сергея (ту, что с изложением веры) я аккуратно обернула и держу в сундучке рядом с постелью, чтобы ничего с ней не случилось,

^а Принцессы Аликс.

^б в глубине очень религиозна (фр.).

и начну читать. Я бы хотела, чтобы ты была здесь и помогла мне разобраться. Молись за меня, голубушка, чтобы у меня были силы поступить правильно и чтобы Бог указал мне путь, по которому я должна пойти...” – вот что она написала в своем первом письме, которое я получила на днях.

Мы уезжаем из Ильинского 15-го, и я очень надеюсь, что мы тебя увидим, – разговаривать гораздо лучше, чем писать, намного легче. Вкладываю фотографию, которую она дала мне для тебя, она умоляет тебя никому ее не показывать. Твою, что я ей послала, она поставила на письменный стол и прикрыла одной из моих фотографий; смотрит, когда пожелает, – и спрятана, и рядом».

3 декабря 1890 года Елизавета Федоровна писала цесаревичу: «Мой милый Ники! <...> Ровно на следующий день после твоего я получила письмо от Пелли. Она здорова, с тех пор, как мы виделись, тихо сидит дома, о поездке в Англию не слышно. <...> Я собираюсь написать ей сегодня и сообщить новости из твоего письма, они ее немного приободрят. Благослови вас Господь обоих, дорогие, и пусть наступающий новый год наконец счастливо соединит вас – это наша самая горячая молитва».

31 мая 1891 года великая княгиня писала цесаревичу: «Выпишу отрывки из писем Пелли, чтобы ты знал ее расположение; еще раньше, в самом начале твоего путешествия^a, она хотела, чтобы я написала, но тогда мне не хватало храбрости, а сейчас я считаю это своим долгом, ведь, когда ты вернешься, вряд ли у нас будет время для неторопливых бесед:

„Известие о Пелли страшно меня напугало, но вторая твоя телеграмма утешила. Какие у тебя теперь новости? Непременно напиши, как только услышишь, она – навсегда мой дорогой друг, ты знаешь, поэтому я так боюсь. И еще: она так одинока в свой день рождения, мысленно я буду с ней. Как, должно быть, волнуются бедные родители – ужасно печально“^b.

„Я должна написать тебе пару строк, ведь сегодня день рождения Пелли. Не удивительно ли – сегодня утром Ирена^c подарила мне подарок на день рождения, именно 18-го^d. Надеюсь, у тебя от нее хорошие новости“.

„Какие новости у тебя от Пелли? Интересно, получила ли она вообще твое письмо, в котором было написано о том, чего я, увы, никогда не смогу сделать, как бы сильно ее ни обожала“. Видишь, она всегда думает о Пелли, и мне кажется, ее чувство становится крепче. Теперь все в руках Божиих – и еще будет зависеть от твоего мужества и того, как ты появишься. Будет трудно, но все же я не могу не надеяться. Бедная девочка, она так страдает, и я единственный человек, кому она может об этом написать или сказать, так что часто ее письма очень унылы. Она читает книги, которые я ей послала, – и с интересом. Если бы только я могла привезти ее сюда... Но надо иметь терпение. Сейчас только ты можешь это совершить, от меня больше никакого толку...»

Опытный политик, с чьим именем была связана эпоха укрепления и расцвета Британской империи, тонко чувствующая интересы своей страны и семьи, умудренная долгим жизненным опытом, хорошо понимавшая несовместимость в иных случаях романтических чувств с интересами

^a Осенью 1890 г. цесаревич Николай отправился в кругосветное путешествие, длившееся около года.

^b 29 апреля 1891 г. в японском городе Оцу на цесаревича было совершено покушение.

^c Сестра Елизаветы Федоровны и Аликс, супруга принца Генриха Прусского.

^d Имеется в виду день рождения цесаревича.

государственными, королева Виктория была против брака цесаревича Николая и своей внучки Аликс. Она писала по этому поводу внучке Виктории, сестре Елизаветы Федоровны: «...это касается Алики и Ники. Ты меня уверила в том, что никакой опасности нет, однако, и я знаю об этом наверняка, – несмотря на все возражения папы, Эрни и твои, а также вопреки воле родителей Ники, не желающих его брака с Алики, поскольку они полагают, что брак самой младшей из сестер и сына императора не может быть счастливым. Несмотря на все это, Элла и Сергей у вас за спиной изо всех сил стараются устроить этот брак, подталкивая к нему мальчика. Я обещала не говорить, кто мне это сообщил, но тебе скажу. Я получила эти сведения от тети Аликс^а, она, в свою очередь, от самой тети Минни^б, которая очень встревожена подобным известием. Папа должен топнуть ногой и заявить, что Алики не следует больше ездить в Россию. Ты не должна упоминать имени тети Аликс, но этому нужно положить конец. Не только он, но также ты и Эрни должны настоять на этом. Обстановка в России настолько плоха, настолько неустойчива, что в любой момент там может произойти нечто ужасное. Возможно, Элле опасаться нечего, но быть женой наследника престола – роль трудная и опасная. Обо всем этом я написала папе, который должен проявить силу и твердость, но, боюсь, он не сумеет этого сделать. Такой брак произвел бы в Англии и в Германии (где Россию не любят) самое неблагоприятное впечатление и привел бы к расколу между нашими семьями».

Великая княгиня Елизавета Федоровна, однако, продолжала предпринимать усилия, чтобы этот брак состоялся, и через близких старалась повлиять на королеву Викторию. Она писала брату Эрнсту: «Поддержи Аликс морально, будь осторожен при разговоре с бабушкой. Лучше всего не касаться Пелли^с, если же она сама затронет эту тему, скажи ей, что между ними ничего не было и что сам ты повлиять на Аликс и Пелли не можешь. Скажи, что он – само совершенство, что его все обожают и что Аликс заслуживает того, чтобы ее так любили. Постарайся убедить бабушку в том, что у них получится счастливая семья, что ей не следует относиться к ним с таким предубеждением. Когда наступит решительный момент, это может явиться решающим фактором. Из-за идиотской чуши, которую печатают газеты, она получает невероятную картину происходящего и основывает свои аргументы на фактах, которые, возможно, никогда и не существовали в действительности... Дай-то Бог, чтобы этот брак состоялся... Я получила письмо от Пелли, который ждет известий и чувствует себя очень одиноким. Кроме Сергея и меня, ему не с кем и поговорить».

В конце концов королева Виктория вынуждена была напрямую сделать замечание Елизавете Федоровне за ее попытки устроить этот брак, сообщив ей, что она против него.

В 1890 году, когда в Ильинском гостил великий герцог Людвиг IV, Елизавета Федоровна уже приняла решение перейти в православие, но не стала говорить об этом отцу при встрече, написав ему 1 января 1891 года в Дармштадт: «<...> дорогой Папа, я хочу что-то сказать Вам и умоляю Вас дать Ваше благословение.

Вы должны были заметить, какое глубокое благоговение я питаю к здешней религии с тех пор, как Вы были здесь в последний раз более полутора лет назад. Я все время думала и читала, и молилась Богу указать мне правильный путь, и

^а Александра, принцесса Уэльская, супруга старшего сына королевы Виктории, родная сестра императрицы Марии Федоровны.

^б Императрица Мария Федоровна.

^с Цесаревича Николая.

пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти всю настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином. Это было бы грехом оставаться так, как я теперь – принадлежность к одной Церкви по форме и для внешнего мира, а внутри себя молиться и верить так, как и мой муж. Вы не можете себе представить, каким он был добрым, что никогда не старался принудить меня никакими средствами, предоставляя все это совершенно одной моей совести. Он знает, какой это серьезный шаг и что надо было быть совершенно уверенной, прежде чем решиться на него. Я бы это сделала даже и прежде, только мучило меня то, что этим я доставляю Вам боль и что многие родные не поймут меня.

Но Вы, разве Вы не поймете, мой дорогой Папа? Вы знаете меня так хорошо! Вы должны видеть, что я решилась на этот шаг только по глубокой вере и что я чувствую, что пред Богом я должна предстать с чистым и верующим сердцем. <...>

Я думала, и думала глубоко обо всем этом, находясь в этой стране уже более шести лет и зная, что религия найдена. Я так сильно желаю на Пасху причаститься Святых Таин вместе с моим мужем. Возможно, что это покажется Вам внезапным, но я думала об этом уже так долго, и теперь, наконец, я не могу откладывать этого. Моя совесть мне этого не позволяет. Прошу, прошу по получении этих строк простить Вашу дочь, если она Вам доставит боль. Но разве вера в Бога и вероисповедание не являются одним из самых главных утешений этого мира? Пожалуйста, протелеграфируйте мне только одну строчку, когда Вы получите это письмо. Да благословит Вас Господь. Это будет такое утешение для меня, потому что я знаю, что будет много неприятных моментов, так как никто не поймет этого шага. Прошу только маленькое ласковое письмо».

Отец не послал просимого ею ответа, вместо него 14 января 1891 года написал письмо, в котором выражал неудовольствие от принятого ею решения. «Твое сообщение принесло мне большую боль, так как я не понимаю необходимости этого шага, – писал он. – Я должен винить себя, что не предвидел этого раньше... Ты знаешь, что я против строгости и фанатизма и сознаю, что каждый может быть религиозным в своей вере. Но я так страдал несколько ночей <...>, ты даже не можешь себе представить, как я себя чувствовал. То, что Сергей не был замешан в этом деле, меня успокаивает. Я знаю, что уговаривание и споры не изменят твоего мнения... Обдумай это серьезно!.. Твой шаг не изменит моей любви к моему ребенку... Мой Бог! Что здесь можно сказать!.. Это мучает меня так сильно, что я должен кончить это письмо. Пусть Бог тебя защитит и простит тебя, если ты поступаешь неправильно...»

Отвечая на это письмо, Елизавета Федоровна писала: «Я благодарю Вас от всего сердца за Ваше письмо. Я глубоко чувствую то горе, которое я причиняю Вам. Пожалуйста, пожалуйста, простите меня, но это должно быть так. Я уже слишком долго игнорировала голос моей совести, так как я была уверена, что все вы будете очень переживать из-за меня. <...> Моя совесть не позволяет мне продолжать в том же духе – это было бы грехом; я жила все это время, оставаясь для всех в моей старой вере... Это было бы невозможным для меня – продолжать жить так, как я раньше жила. Сергей меня никогда не заставлял и не старался переубедить меня. Он предоставил мне самой принять личное решение. И я сделала этот шаг совершенно сама. Конечно, он был несказанно обрадован, так как он начинал уже терять всякую надежду <...>. Он знал очень хорошо, что это надо самому прочувствовать. Мы вместе много читали. Я сказала ему, что хочу

по-настоящему хорошо узнать его религию, чтобы все могла видеть с совершенно открытыми глазами. <...> Здесь не потребуется еще раз креститься. Только миропомазание, которого мы не имеем, когда нас крестят. <...> Я всегда буду думать о моей первой Церкви с такой любовью... Я чувствую внутри себя, что этот шаг ведет меня ближе к Богу...»

Английская королева Виктория поддержала поступок великой княгини, написав ей сочувственное и ободряющее письмо.

26 февраля 1891 года приказом императора Александра III великий князь Сергей Александрович, бывший на тот момент генерал-майором и командиром лейб-гвардии Преображенского полка, был назначен «Московским генерал-губернатором и генерал-адъютантом с зачислением по гвардейской пехоте».

В марте того же года Елизавета Федоровна писала отцу относительно назначения мужа на новую должность: «Вы хорошо сможете понять, как великая доброта Сашин^а и его доверие тронули нас. Но мы не можем и представить себе, какие большие перемены может принести нам жизнь в будущем. <...> Волосы поднимаются дыбом, когда подумашь, какая ответственность возложена на Сергея... староверы, купечество и евреи играют там важную роль... Теперь все это надо привести в порядок с любовью, твердостью, по закону и с терпимостью. Господь, дай нам силы, руководи нами, так как все это будет таким трудным и тяжелым...»

После Пасхи мы переезжаем в Москву... Утешение для нас то, что нас ожидают там с открытыми объятиями и что жители Москвы очень лояльны и радуются, встречая брата императора в своем городе. Я также надеюсь, что смогу помогать немного Сергею. Я буду стараться исполнять отлично все то, что выпадет на мою долю...» Елизавете, когда она это писала, было всего двадцать шесть лет.

8 марта 1891 года Елизавета Федоровна сообщила отцу о предстоящей церемонии присоединения ее к Православной Церкви. «Здесь не будет крестных родителей, как Вы думаете, – писала она. – Я должна буду сказать Символ веры, и после этого последует благословение. Затем миропомазание, целование креста, святого Евангелия, и потом последует Святое Причащение. Мне даже не надо будет идти к исповеди перед этим, если я этого не захочу. Это будет происходить в субботу 13/25 апреля, под Вербное воскресенье, и очень скромно. В четверг я опять причащусь Святых Таин в соответствии с православным обычаем вместе с Сергеем...» «Вся церемония на всех присутствующих произвела глубокое впечатление, – писал император Александр III сыну Николаю, – я должен сознаться, что был глубоко проникнут серьезностью и знаменательностью этого события и чувствовалась близость и участие чего-то таинственного и присутствие Самого Господа! Элла очень хорошо читала молитвы, а некоторые и говорила наизусть. Да, это отрадное событие, порадовавшее меня глубоко, и я придаю ему особую важность в настоящее время».

В 1891 году черноземные губернии России охватила засуха, результатом которой стал неурожай, огромная нехватка продуктов и голод. Государственная власть оказалась несостоятельной в решении этой проблемы, и за дело взялись частные благотворительные организации. Осенью 1891 года по распоряжению великого князя Сергея Александровича в Москве был открыт Комитет для сбора пожертвований пострадавшим от неурожая, председателем которого была

^а Император Александр III.

назначена великая княгиня Елизавета Федоровна. Средства поступали от частных лиц, епархиальных комитетов, благотворительных концертов, выставок, аукционов, ярмарок. «Под председательством великой княгини был учрежден Дамский комитет и склад для сбора пожертвований, объединивший все женские труды в помощь пострадавшим; расходы на его устройство оплатила великая княгиня. Кроме денег, вещей и продовольствия, принимались материалы для шитья и вязания: при складе имела мастерская кройки и шитья. Склад занимался продажей изделий кустарных промыслов, закупленных в голодных губерниях <...>. В декабре 1891 г[ода] Дамский комитет устроил благотворительный базар. Все пять дней великая княгиня была на нем неотлучно, число посетителей достигло 13 000 человек, денежный сбор – 90 000 рублей. К 1 сентября 1892 г[ода] было собрано более миллиона рублей».

1 марта 1892 года скоропостижно скончался великий герцог Людвиг IV. С ним случился удар, после которого он лишился речи. Для Елизаветы Федоровны стало большим утешением, как она писала бабушке, приехав в Дармштадт, застать отца живым. После похорон отца она осталась в Дармштадте еще на две недели, в основном ради младшей сестры Аликс. Вернувшись в Россию, она с еще большей энергией продолжила хлопоты, чтобы устроить свадьбу цесаревича и Аликс, полагая, что для успеха необходима их личная встреча.

«27 сентября 1892 г[ода].

Дражайший Ники!

Всего лишь пара строк, чтобы известить тебя о наших планах на осень, – писала она. – Хорошо бы нам удалось где-нибудь встретиться. Мы отправляемся примерно тогда же, когда и ты, 5 октября, и сперва поедем в Италию. В Англию приезжаем 8/20 ноября, пробудем 10 дней, потом – в Дармштадт. Ты отлично понимаешь, зачем я все это пишу. Ты знаешь, как я хочу помочь и верю, что Бог по великому Своему милосердию придаст Пелли храбрости. Почему бы тебе не попросить позволения съездить к тете Аликс^а, ведь ты собирался быть на свадьбе Эдди? Ей это доставило бы огромную радость, а оттуда, если все пойдет хорошо и Пелли захочет тебя видеть, ты приедешь к нам, в его дом. Может, я кажусь навязчивой со всеми этими планами, но ведь ты всегда так откровенно говорил со мной – так чего же от меня и ждать? Я могла бы написать Пелли, не упоминая о твоём предполагаемом приезде, зато постаралась бы узнать побольше, а потом, когда мы встретимся, поговорю и сообщу тебе».

«Дармштадт.

Пятница, 8/20 октября 1893 г[ода].

Дорогой Ники!

Вот наконец письмо о Пелли I. Он все так же, без изменений. Ты помнишь наши прежние беседы – хочу, чтобы ты знал все с полной ясностью. После трудных разговоров он сдался и согласен увидеть Пелли II, но хочет, чтобы она поняла: несмотря на глубокое и неизменное чувство, он не имеет мужества изменить свою р[елигию]. Я твердила, что Пелли II жаждет его видеть и все обсудить. Ну, дорогой, большой надежды нет, и он просит меня передать тебе, чтобы ты понял его правильно. Но я как думаю: он будет видеть Пелли II, говорить с ней, и, может, Бог даст ему мужество ради любви совершить то, что сейчас кажется невозможным. Я не называю имен обоих Пелли, потому что на самом деле никогда не известно, читают ли на почте письма, и, зная, как это важно и

^а Александра, принцесса Уэльская, родная сестра императрицы Марии Федоровны.

какое искреннее участие ты принимаешь в этой судьбе, я пишу так. Пожалуйста, передай родителям Пелли все, что я тебе пишу, чтобы в случае, если (дай Бог, чтобы это было не так) из встречи ничего не выйдет, они не укоряли Пелли I в том, что он подавал ложные надежды. Я обещала написать все как есть и думаю, ты поймешь. Несмотря ни на что, я надеюсь, что любовь победит, превозможет, а его любовь так глубока и чиста, и бедное создание так неопишимо несчастно – просто сердце разрывается, что р[елигия] встала между ними. Оба они должны молиться, и – о, как я надеюсь, потому что все, все остальные трудности позади.

Если Пелли II согласится, телеграфируй мне „ладно“, тогда Серж напишет человеку, который приглашает нас на Пасху, и мы поедем вместе с визитом и там встретимся с Пелли II. Тебе надо ответить прямо сейчас. Пелли II могла бы сделать вид, что она путешествует по разным городам или просто отдает визит вежливости; так как они из царствующего дома, газеты все равно будут обсуждать, встретились они или нет, так что это не должно быть помехой. Теперь позволь мне высказать свое мнение, что это ее последний и единственный шанс: она должна приехать сейчас, или все кончено навсегда. Тогда как стоит им встретиться – и кто знает... Ведь так трудно отказывать единственному человеку, которого любишь столько лет, о ком сердце страдает в разлуке. Пелли I сказал, что умрет за свою любовь, и, если они поговорят друг с другом, может быть, препятствие, которое их разделяет, растает от слов любви Пелли II».

«Мой дорогой Ники!

Увы, с этим письмом ты должен получить два душераздирающих послания. Посылаю тебе ее письмо ко мне – ты сможешь читать в ее душе, ведь она не хотела, чтобы ее строки к тебе являли ужасный отпечаток сердечного горя.

Можешь себе представить, как глубоко я сочувствую вам обоим, ты прекрасно знаешь, как я всегда стремилась помочь вам и делала для этого все возможное. О, если бы только твои родители разрешили тебе приехать тогда... Между строк можно прочесть, что у нее не хватило бы духа отказать в Кобурге, а я сделала бы все, чтобы привезти ее сюда и научить вере.

Она не узколюбая и не фанатичная протестантка, но годами оставалась один на один со своей любовью к тебе, ей и поговорить было не с кем. В вечной тревоге изводила себя: „Перейти – разве это не грех? Я так люблю его – о, вот почему я должна быть вдвойне сурова к себе и не позволять сердцу собой управлять“. Это была многолетняя битва, и никто не помог ей, лишь иногда пара строчек от меня. Я боялась этого исхода; бедное дитя... О, ты не знаешь, через что ей пришлось пройти, в ее глазах печать несказанной грусти – я и помыслить не могу, что так и будет, и жажду, и вопреки всякой вероятности надеюсь, что в конце концов Бог даст ей увидеть бедность протестантизма в сравнении с нашей Церковью. Все это так жестоко и печально... Не мог бы ты прислать мне письмецо для нее, поласковее, она так страдает, и ее жизнь слишком, ужасно одинока. Это согреет ее бедное разбитое сердце, и ты, бедный мальчик, страдающий так жестоко, простишь ее, ведь она жертвует своим земным счастьем, веря, что такова воля Божия».

«Москва.

3 января 1894 г[ода].

Дражайший Ники!

Всевозможные пожелания счастья на новый год и нежная благодарность за прелестный флакончик духов, я была так тронута, что ты вспомнил обо мне. Сегодня отсылаю Пелли очень длинное письмо. Все это время мы не касались

определенной темы, но сейчас, когда брат помолвлен, настала минута проявить любовь и доброту, ведь, конечно же, в доме грядут большие перемены, и, хоть она и в восторге, ей придется нелегко. О, если бы ты мог поехать сейчас под предлогом визита молодоженам, могло бы выйти удачно. Ты писал еще – и какой был ответ? Жаль, что ты меня игнорируешь, ведь если кто и добился чего-то, то именно я, и только со мной она говорила об этом. Единственное, к чему я стремлюсь и о чем молю, – чтобы ты добился успеха. И не думай, что я оскорблена, только не забывай совсем старого друга, который желает вам обоим счастья и глубоко скорбит, что вашим юным сердцам довелось столько страдать. Теперь она будет чувствовать себя вдвойне одиноко и грустно, видя их счастливыми, а себя с разбитым сердцем и жизнью. Кто знает, не станет ли это последней каплей, переполнившей ее горькую чашу, – и тогда ты сможешь прийти на помощь. Я, как утопающий, хватаюсь за любую соломинку, все еще не могу перестать надеяться; пока есть любовь, есть и надежда, а твое постоянство и терпение, может быть, в конце концов дадут ей силу побороть свое первое решение.

Даст Бог, этот год наконец-то принесет вам обоим полное счастье.

Твоя очень любящая тетушка Элла».

Все это время Елизавета Федоровна с мужем не прекращали усилий, чтобы устроить брак цесаревича Николая и принцессы Аликс Гессенской. Большие надежды возлагались на их личную встречу во время свадьбы герцога Эрнста-Людвига Гессен-Дармштадтского, брата Аликс и внука королевы Виктории, и принцессы Виктории-Мелиты Саксен-Кобург-Готской, внучки императора Александра II. Свадьба состоялась в Кобурге 7 апреля 1894 года. На торжествах присутствовали королева Виктория, кайзер Вильгельм II с матерью, вдовой императора Фридриха-Вильгельма, цесаревич Николай, принц Уэльский Эдуард, Аликс, ее сестры с мужьями и множество близких и дальних родственников. На следующий день, 8 апреля, состоялось объяснение между цесаревичем Николаем и Аликс, во время которого она дала согласие на брак с цесаревичем.

«Я целый день ходил как в дурмане, не вполне сознавая, что, собственно, со мною приключилось! – записал цесаревич в дневнике 8 апреля 1894 года. – Вильгельм³ сидел в соседней комнате и ожидал окончания нашего разговора с дядями и тетями. Сейчас же пошел с Аликс к королеве и затем к т[ете] Мари, где все семейство долго на радостях лизалось».

Королева Виктория записала по этому случаю в дневнике: «Меня словно громом ударило, хотя я и знала, как мечтал об этом Ники. Мне-то казалось, что Алики не была уверена в своих чувствах. При встрече с ними увидела в глазах Алики слезы, но вид у нее был счастливый, и я расцеловала их обоих».

20 октября 1894 года скончался император Александр III, на следующий день после его кончины принцесса Аликс, помолвленная с его сыном Николаем, перешла в православие, приняв имя Александра. Несмотря на то, что королева Виктория дала свое согласие на этот брак и уже не противилась ему, однако соображения здравого смысла и житейский опыт говорили ей, что конец его будет трагичным. «Чем больше я думаю о замужестве нашей милой Аликс, – писала она внучке Виктории, старшей сестре Елизаветы Федоровны, – тем более несчастной себя чувствую. Я ничего не имею против жениха, поскольку он мне очень нравится. Все дело в стране, столь отличной от нашей, в ее политике и в

³ Кайзер Вильгельм II, впоследствии император Германский.

ужасно опасном положении, в котором окажется это милое дитя... Напрасно Элла способствовала этой помолвке... Она сирота, а я ее единственная бабушка и полагаю, что у меня есть право голоса. Она для меня словно родное дитя, как и все вы, мои дорогие дети... Мне кажется, будто я ее уже потеряла».

«Свадьбу, – писала Елизавета Федоровна королеве Виктории, – решили устроить в день рождения Минни, 14/26 ноября <...>. Семья будет помогать надевать коронные драгоценности и фату, как это делалось на всех наших свадьбах. Потом статс-дамы наденут мантию темно-рубинового цвета с горностаем. Платье из вышитой серебряной материи – русский придворный наряд и выглядит очень красивым. <...>

Законченное одеяние невесты, блеск бриллиантов и бархатная мантия, <...> прибавляется немного цветов мирты к платью и к малюсенькой короне. Хотя полный наряд и тяжелый, но чудесные бриллианты идут всем, и Аликс, высокая ростом, будет выглядеть очень красивой. <...> все белое и серебро сияет, как лучи электрического света, и красивая мантия оживляет все, хотя я бы и предпочла, чтобы она была белой. Все мы будем в наших русских костюмах – белых или серебряных – и в белых драгоценностях.

Когда невеста одета, она идет через большие залы, заполненные придворными и обществом, прямо в церковь, а потом домой».

Весной 1896 года состоялась коронация императора Николая II и императрицы Александры Федоровны. Коронационные торжества начались их въездом в Москву в день празднования святителя Николая Чудотворца, 9 мая, и сопровождались такими великолепием и роскошью, которые могли бы поспорить с роскошью в проведении подобных торжеств византийских императоров. 14 мая в Успенском соборе Кремля состоялся обряд коронования. «Великие княгини были одеты в русские парадные придворные платья с драгоценностями, а великие князья – в парадные формы своих полков. <...> Император Николай II был в форме Преображенского полка, а Александра Федоровна – в русском платье из серебряной парчи».

«Иллюминация волшебная – море огня, – записал великий князь Константин Константинович в дневнике 15 мая. – Мы поехали во дворец. Государь принимал поздравления от высших сановников и дворянства. Подносили без счета дорогие блюда с хлебом-солью; ими заставили в Андреевской зале несколько больших столов <...>».

«Погода стояла весь день чудесная <...>, – писал 17 мая в дневнике император Николай II. – Завтракали у Мама в 12 ½ и к 2 час. собрались наверху для поздравления дам. Началось с великих княгинь, после них пошли фрейлины и затем городские дамы. Это продолжалось час с четвертью. <...> Поехали в Большой театр на торжественный спектакль. Давали по обыкновению 1-й и последний акты „Жизни за царя“ и новый красивый балет „Жемчужина“».

«18 мая. До сих пор все шло, слава Богу, как по маслу, а сегодня случился великий грех, – записал он в дневнике на следующий день. – Толпа, ночевавшая на Ходынском поле в ожидании раздачи обеда и кружки, наперла на постройки, и тут произошла страшная давка, причем, ужасно прибавить, потоптано около 1 300 человек! <...> отвратительное впечатление осталось от этого известия. В 12 ½ ч. завтракали, и затем Аликс и я отправились на Ходынку на присутствие на этом печальном „народном празднике“».

«Тяжело было ехать к 2-м часам на народный праздник, зная, что уже до начала было столько несчастий <...>, – писал Константин Константинович 18 мая в

дневнике, – мне говорили некоторые <...>, что на дороге попадались навстречу пожарные с большими фургонами, переполненными трупами несчастных пострадавших.

На поле перед павильоном, построенным для государя против Петровского дворца, собралось семьсот тысяч народу, т.е. более, чем Наполеон привел с собою в Москву».

«В павильоне масса народу – все августейшие особы! – записала в тот же день в дневнике великая княгиня Ксения Александровна, сестра императора Николая II. – Внизу только одна огромная толпа, и оркестр, и хор. Четыре раза сыграли гимн, а потом „Славься“ без конца! На душе было грустно и тяжело. Пока мы были там, увезли еще фуру с убитыми».

«Вечером Ники присутствовал на большом балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка», – вспоминал муж Ксении Александровны, великий князь Александр Михайлович.

«Государь не хотел было ехать на французский бал, – писал Константин Константинович в дневнике 19 мая, – но его убедили показаться там хотя бы на один час; и что же: на балу Владимир, Алексей и сам Сергей упростили государя остаться ужинать, т. к. отъезд с бала показался бы „сантиментальничаньем“».

«Все светлое и радостное, все трогательное и умильное, пережитое в эти три недели, омрачено и испорчено ходынской катастрофой, – писал он в дневнике 26 мая, – и не столько катастрофой – в ней сказалась воля Божия, – как отношением к ней ответственных лиц.

Конечно, Сергей лично не виновен; его вина разве в недостатке предусмотрительности; но он сам причиною того, что на него сыплются обвинения. Съезди он на место происшествия вместо того, чтобы встречать государя на народном празднике; явись он на похороны погибших; заяви он государю, что как главное ответственное лицо не считает себя достойным оставаться генерал-губернатором; сам попроси о назначении строжайшего следствия – и никто бы его не обвинил. Напротив, он бы завоевал всеобщее сочувствие.

Вместо всего этого что же он делает? 18 числа, [в] день катастрофы, он условился с живущими у него в доме преображенскими офицерами сняться группой у себя во дворе. Узнав о несчастье, офицеры разошлись, думая, что теперь не до фотографа. Сергей посылает за ними, и они снимаются. Государь, глубоко расстроенный, весь в слезах, не хочет ехать на французский бал; сам же Сергей, которому следовало бы сокрушаться не менее государя, вместе с братьями уговаривает государя остаться ужинать на балу.

Наконец, когда государь желает назначить чрезвычайное следствие, Сергей, вместо того чтобы обрадоваться, через министра внутренних дел доводит до сведения государя, что подает просьбу об увольнении, если состоится рескрипт на имя Палена с назначением его председателем следственной комиссии».

«Меня мучило сомнение: следует ли мне высказать Сергею мой взгляд на сделанные им ошибки? Говорить я не хотел: Сергей не любит, когда с ним не согласны, раздражается, теряет способность судить хладнокровно и логично. А напиши я ему, мы только поссоримся», – записал 27 мая в дневнике Константин Константинович.

Тот факт, что две сестры стали занимать в обществе столь высокое положение, причем младшая была супругой императора, а старшая оказалась как

бы у нее в подчинении, приводил к сплетням и пересудам в обществе, и люди пристально наблюдали за тем, как сестры держались, оказываясь вместе. Стало происходить как раз то, что когда-то беспокоило императора Александра III, сомневавшегося, стоит ли цесаревичу жениться на младшей из сестер.

«Я нахожу, что в любом случае хорошо, что мы живем в другом городе, чем Аликс. Это лучше главным образом для нее. Это делает ее совершенно независимой. Позднее, когда ее узнают, а также и о ее взглядах, это уже не будет важным. Тогда никто не сможет сказать, что, что бы она ни сделала, посоветовала я ей», – писала Елизавета Федоровна королеве Виктории.

В феврале 1899 года в России вспыхнули студенческие волнения. 8 февраля студенты Санкт-Петербургского университета вышли на демонстрацию, которую рассеяла конная полиция, применившая нагайки. Эти действия полиции были расценены обществом и некоторыми министрами как нетактичные. Ряд видных профессоров Санкт-Петербургского университета обратились с протестом и жалобой на действия полиции к министру народного просвещения. 21 февраля император повелел назначить расследование причин беспорядков, начавшихся в Санкт-Петербургском университете и распространившихся на учебные заведения в других городах России; следствие возглавил генерал-адъютант П.С. Ванновский. Рассмотрев результаты расследования, правительство признало действия полиции неправомерными.

В субботу Крестопоклонной недели, 20 марта 1899 года, Елизавета Федоровна писала императору: «Ты не представляешь, какое болезненно-скорбное впечатление производит студенческое дело по всей России. То, что – как ты надеялся – должно было поправить дело, к сожалению, обернулось к худшему. Помню, на первых порах ты отнесся к студенческим волнениям как к событиям, о которых постоянно говорят, все знают и, следовательно, на которые нужно реагировать обычным образом. Убеждена, – скажи, если это не так, – что потом тебя стали донимать и... весь свет и общественное мнение (а это злейшие из твоих врагов) стали негодовать, что с „бедными невинными юношами“ плохо обращаются. Невинные или нет, но они устроили беспорядки, а такого рода бесчинства должны разбираться их начальством и соответственно наказываться. И студентов, и полицию должно было судить их собственное начальство. Увы, эта дурацкая история была так раздута, что император назначил своего судью для разбирательства, и в результате оно выросло в дело колоссальной важности. Собирались успокоить бедных обиженных юнцов, а вышло – подлили масла в огонь, и запылали все российские университеты. <...> Либо надо было наказать их в обычном порядке, либо действовать энергично и незамедлительно. Я думаю об этих злополучных людях, которые стоят во главе университетов; им велели быть мягче, и они больше не в состоянии удерживать глупую молодежь: юные жизни гибнут, авторитет начальства подорван. <...>

Положение двух твоих министров – внутренних дел^а и просвещения^б – самое безнадежное: император им не доверяет, он назначил другого судить их. <...>

Мой дорогой брат, милый, если бы только ты не прислушивался к общественному мнению! Бог одарил тебя редким умом, доверься собственному суждению; Он будет вести тебя – будь суров, очень суров и, кроме того, окажи хоть какое-то доверие своим министрам либо уволь их, если не считаешь

^а И.Л. Горемыкина.

^б Н.П. Боголепова.

достойными, но ради твоего блага и блага страны не подрывай их авторитет перед всем миром, это безмерно опасно. Такой путь называется революцией сверху. <...>

Могу я высказать одну мысль – может быть, вздорную и потому годную лишь в мусорную корзину: так как твое поручение Ванновскому осталось безрезультатным и бесчестие лишь усугубилось, не мог бы ты отдать новый приказ прекратить его? Ты стремился выказать этим молодым людям доброту, отеческое попечение, они этим злоупотребили – почему бы не отправить действительно виноватых в военную службу? Год-другой дисциплины их вылечит, а потом они смогут учиться. Ты спасешь их души от неминуемой гибели. Разгони профессоров, эту страшную отраву, – пусть убираются! Ты говорил, что, если тебе будут слишком досаждают, ты покажешь характер: разве не самое время это сделать? А министры твои, баламуты, пускай занимаются каждый своим делом и будут честными и верными – до сих пор они только лгали. Тем, кого ты оставишь, доверяй; если они будут тебя бояться – будут работать. Посмотри на государей, правивших твердой рукой; общество нужно учить, оно не смеет подымать крик или мутить воду. Право, все уже уверены, что, устраивая стачку, будут бунтовать до тех пор, пока ты их не послушаешься. И конец этому настанет, только когда в университетских городах количество студентов уменьшится с нынешних четырех тысяч вчетверо, а остальные пусть учатся в других, более мелких заведениях, в ремесленных училищах и т.п., раз уж этим молодым людям приходится учиться, чтобы зарабатывать потом себе на хлеб. <...>

Благослови тебя Бог.

Сейчас иду в храм, буду молиться за тебя. Нежные поцелуи от твоей любящей сестры Эллы».

В марте того же года Елизавета Федоровна продолжила переписку с императором на тему волновавших ее политических событий, высказав свое суждение о принимаемых тогда властью мерах по преодолению кризиса. Власть в России в то время не знала иной модели, кроме абсолютистской монархии, при которой принципиально был невозможен внятный диалог между властью, обществом и народом, еще сохранявшим в своем представлении старинный идеал самодержавной монархии и только благодаря этому идеалу смогшим пережить столь долгий период абсолютизма западного образца. При этой системе народ призывался к абсолютному послушанию, а власть – к исключительному благотворению и реформам по отношению к народу, но по своему, далекому от понимания народа и его нужд разумению. В условиях существования двух органически не могущих сжиться друг с другом систем – иностранной модели власти, выработанной иной культурой, основанной на ином историческом опыте, и народа, имеющего свое самоценное прошлое и выработанное им самобытное представление, пусть и невысказанное, о власти, о своем политическом, религиозном и национальном идеале, – крах этой искусственной политической модели был неизбежен.

«Серж был очень тронут твоими добрыми словами, – писала Елизавета Федоровна императору, – он сейчас так бледен и подавлен. Тебе знакомо это чувство, ведь и у тебя случаются минуты уныния, когда стараешься сделать все возможное, но не успеваешь вполне, – бывают такие обескураживающие моменты. Что ж, надо уповать на Бога и верить, что Он будет вести тебя, Своего помазанника, особо. Только ты слишком добр, чересчур добр для того, чтобы нести на своих юных плечах такую ношу. Но Он даст тебе силу; и даже если ты

делаешь ошибки – в конце концов, ты же человек. Не почитать ли тебе воспоминания Бисмарка? Они превосходны, создают такую ясную картину и удивляют глубиной мыслей, полезных государю. Начало не очень интересное, и местами попадаются неточности <...>, но период войн очень хорош. Как человек он приязни не вызывает, но как дипломат, политик он был великолепен и прежде всего искренне любил свою страну. <...>

Я так рада, что тебе нравится Б[оголепов]. Только подумай, какую чепуху выдумывают – будто ты хочешь назначить Костю^а на эту должность, право, слухи ходят какие-то несуразные. Он очарователен, но он – поэт, а поэт не сумеет занимать такой ответственный пост, он даже не в состоянии держать в порядке свой полк, мечтатель². И потом, я уверена, ты не захочешь, чтобы великие князья были на таких важных должностях, тем более генерал-губернаторских. Нам в нашем положении не следует занимать такие посты, где с нами будут обращаться как с простыми смертными. В военном командовании все иначе, так было всегда, это служба, которой ждут от великих князей, но другие должности, где тебя ставят на одну доску с кем попало, унижают наше достоинство. Твой отец испробовал это на нас, еще раньше дядя Миша служил на Кавказе. В его время это было проще, при твоём отце сложнее, а теперь, когда времена изменились и общество стало более критично и менее лояльно, это уж очень сложно. Мы, великие князья, не можем занимать должности, с которых нас можно уволить, как всех прочих, мы должны окружать пьедестал нашего государя и честно служить ему...»

20 октября 1899 года министр внутренних дел И.Л. Горемыкин был назначен членом Государственного Совета, а на его место назначен Д.С. Сипягин.

14 февраля 1902 года студентом, дважды исключавшимся из университета, был смертельно ранен министр народного просвещения Н.П. Боголепов, на его место был назначен семидесятидвухлетний генерал П.С. Ванновский, попытавшийся пойти навстречу требованиям студентов. 2 апреля 1902 года был убит министр внутренних дел Д.С. Сипягин.

3 апреля Елизавета Федоровна написала императору письмо, призывая его к более решительным действиям.

«Ники, дорогой, ради Бога, будь сейчас деятелен, может статься, нас ждут и другие убийства – и как положить конец террору? – писала она. – Прости, я пишу без обиняков, не выбирая выражений, и словно бы отдаю приказания; но я вовсе не жду, что ты будешь поступать по моей указке, просто излагаю эти мысли на случай, если они окажутся тебе полезными. Я бы без промедления назначила нового министра, каждый потерянный день приносит вред – почему бы не Плеве, у него есть опыт, и он честен. И еще, дорогой: ты говорил, что с Ванновским все улажено, но он все еще здесь! Отправь же его в отставку, не будь так мягок. <...> Посмотри, дорогой, после смерти Боголепова ты взял Ванновского, и все ликовали, ожидая, что он будет суров – под твоим руководством. Но он подпал под влияние дурного человека, и в результате – слабость. В Трепова стреляли, и вскоре после этого ты изменил свое превосходное, твердое решение по Сибири^б. Складывается впечатление, что ты опять уступаешь. <...> А теперь еще это новое несчастье. О, неужто этих скотов нельзя судить военно-полевым судом? И пусть вся Россия знает, что за такие преступления карают смертью. Не хотите казней,

^а Имеется в виду великий князь Константин Константинович.

^б Ф.Д. Трепов, московский обер-полицмейстер. 9 февраля 1902 г. на него было совершено покушение. Вскоре после покушения начали возвращать из Сибири сосланных студентов, был отменен принудительный набор студентов в армию.

наказаний – пусть террористы первыми перестанут убивать: plus d'arrêt de mort, bien alors que les assassins commencent^a. Почему бы тебе не поговорить с умными людьми и верными слугами – Плеве, Муравьевым, Зенгером, Победоносцевым, Владимиром^b и т.д.? В случае если ты сочтешь, что Серж может быть полезен, можно ему написать, он ответит. Я знаю, он писал к бедному Сипягину и в день его смерти получил ответ, в котором мысль Сержа признавалась удачной. Она состоит в том, чтобы не публиковать фамилий тех, кто совершил покушение или преуспел в подобных преступлениях. Это помешает им выглядеть героями, и у них пропадет желание рисковать жизнью и идти на преступление. (Я бы предпочла, чтобы преступник заплатил своей жизнью и исчез). Кто он и что он, осталось бы неизвестным, а ведь им придает мужества мысль о том, что они станут героями и о них узнает весь мир. Хорошо бы ты прямо сейчас проявил всю необходимую твердость и ни малейшего сострадания по отношению к тем, кто сам не проявил его...»

4 апреля 1902 года на пост министра внутренних дел был назначен В.К. Плеве.

Елизавета Федоровна глубоко переживала в 1901–1902 годах не только внутрисемейные события, но и внутрисемейные. В этот год Александра Федоровна, считая, что беременна, ожидала разрешения от бремени. Однако беременность оказалась ложной, а ее уверенность была навеяна словами мессы Филиппа³.

Император писал в дневнике: «[10 июля 1901 года]. Вернулся в 12 часов из Петергофа. Завтракали и обедали вдвоем. Днем был у Мама. Играл. Весь вечер провели в Ренелле. Mr Philirre говорил и поучал нас. Что за чудные часы!!!

[11 июля 1901 года]. Все наличное семейство приехало и завтракало на Ферме. В это время „наш друг“ [Филипп] сидел у Аликс и разговаривал с нею. Показали ему наших дочек и помолились с ним в спальне! <...>

[20 июля 1901 года]. Чудный день. Пророк Илья нас не посетил сегодня в виде грозы! <...> Аликс заехала за мной на Ферму, и мы вместе отправились на Сергиевку. Вскоре туда приехали все со Знаменки^c с „нашим другом“. Пили чай и гуляли по парку. Вернулись домой в 6^{1/4} часов. Купался в море. После обеда поехали на Знаменку и провели последний вечер с „нашим другом“. Помолились все вместе».

22 июля 1902 года Александра Федоровна писала мужу, собиравшемуся ехать к императору Вильгельму: «Ужасно отпускать тебя одного, зная, какие заботы ожидают тебя. Но рядом с тобой будет наш дорогой Друг, он поможет тебе отвечать на вопросы Вильгельма. Будь дружелюбен и строг, чтобы он понял, что не смеет с тобой шутить, и пусть научится уважать и бояться тебя – это главное...»

Поскольку всем стало известно о том, что Филипп вхож в семью императора, полиция начала собирать о нем сведения как в России, так и за границей⁴.

Близость императора и его супруги к темной, как считали многие, личности стала вызывать беспокойство матери Николая II, вдовствующей императрицы, и его сестры Ксении, которая в одном из писем писала: «<...> Мама и я говорили

^a больше смертных приговоров, ведь убийцы начинают первыми (фр.).

^b Великий князь Владимир Александрович.

^c Там находился дворец великого князя Петра Николаевича и его супруги Милицы Николаевны, «черногорки».

сегодня с ними обоими^а про Ф[илиппа], и я почувствовала большое облегчение, но, к сожалению, они опять ничего нам не разъяснили и только удивлялись, почему все вообразили, что они скрывают свое знакомство с Ф[илиппом], тогда как они не думали из этого делать секрет. А тайна все-таки остается тайной – кто он такой, мы так и не выяснили! Они сказали, что он очень скромный человек и что с ним приятно говорить, т. к. он так хорошо понимает и говорит,, то, что приносит добро“!»

Не миновали эти беспокойства и переживания за благополучие императорской четы и Елизавету Федоровну с супругом. В июле 1902 года великая княгиня сделала попытку объясниться с сестрой относительно пагубности влияния на ее семью загадочного иностранца, но потерпела неудачу.

«<...> Мы объехали вокруг Александровского парка, и все это время Элла нападала на меня насчет нашего Друга, – писала 23 июля 1902 года Александра Федоровна мужу. – Я сохраняла полное спокойствие и отвечала уклончиво, особенно после того, как она сказала, что хочет добраться до сути. Она слышала о нем много дурного, что ему нельзя доверять. Я не стала спрашивать, что говорят, а объяснила, что все это от зависти и назойливого любопытства. Она сказала: все покрыто такой тайной. Я сказала: нет, мы делали все открыто, в нашем положении ничего и невозможно скрыть, ведь мы живем на виду у всего мира. Что весь их дом знает его, он ест вместе со всеми и вовсе не скрывается. Часто ли мы виделись с ним? Да, несколько раз. Я упорно стояла на истории с исцелением.

Она находит странным, что это делает иностранец. Начала говорить о Николаше – я сказала, что в прежние дни он интересовался спиритизмом, но давно оставил это, чтобы разговор более не принимал такой оборот, при котором труднее было бы ей отвечать. Она считает, что Милица и Стана окружают излишней секретностью то, что за ним посылали зимой (она это взяла из верного, заслуживающего доверия источника, я не спросила какого) и что они пытались это скрыть.

Уверена, что мои ответы ее никаким образом не удовлетворили, – будем надеяться, она не вернется к этому снова...»

Видя, что не успешна в своем предприятии открыть сестре глаза на Филиппа, Елизавета Федоровна обратилась за помощью к матери императора Николая II, Марии Федоровне, с которой у нее сложились дружественные и доверительные отношения.

«Думаю, сердце мое болит не меньше, чем у тебя, – писала она Марии Федоровне, – и я жажду помочь, но вот ужасная вещь – бедная Аликс чувствует, что мы перестали доверять ей, и погрузилась в отчаяние. Я это поняла вчера – бедная она, бедная! Боюсь, я зашла слишком далеко, рассказывая ей о впечатлении, какое произвело повсюду это роковое пребывание^б. Но я все время повторяла и доказывала, что семья ее любит, а слухи, которые расходятся по всей стране, приобрели такой размах только оттого, что Черногорки^с окружили все тайной. <...> Умоляю тебя, с твоим добрым сердцем: когда будешь прощаться с ней, просто скажи словечко в духе материнской любви. Думаю, сейчас ласка утешит ее больное сердце и вернет веру в то, что мы все любим ее, а говорим так ради ее же блага. <...>

^а Императорской четой.

^б Здесь и далее речь идет о Филиппе.

^с Великие княгини Анастасия и Милица Николаевны, через которых Филипп приобрел влияние на императорскую чету.

Если бы по пути в Кронштадт с Ники ты еще раз могла затронуть эту тему, с любовью, с печалью о том, какая пагуба привнесена в страну – сближением с неизвестными людьми, окруженными тайной; и, наверное, не стоит касаться семейной неприязни к Черногоркам. Может быть, теперь это его образумит. Я знаю, Аликс заявила, что я не должна плакать, потому что Ники сказал, что уже не вынесет, если я потеряю самообладание, так что видишь – все висит на волоске, и материнской печалью и лаской, может быть, ты растопишь последнюю преграду, которая его удерживает, и в конце концов он все увидит в истинном свете. Каким истинным благословением Божиим стал бы этот день!»

Елизавета Федоровна сделала попытку объясниться и с императором, о чем написала Марии Федоровне, призывая ее оказать со своей стороны содействие прекращению того вредного влияния, которое оказывал на царскую чету иностранец.

«Гуляя с Ники, я имела с ним длинный разговор и дошла до сути, – писала она. – В итоге – то же впечатление, что от прежних разговоров, новое только одно: он сказал, что хотел бы, чтобы ты [принимала в этом участие], потому что беседы, полные глубокой веры и утешения, принесли бы тебе пользу в твоём горе. Я спросила, так почему же он тебя не пригласил. Тот человек робеет говорить перед большим обществом и т.д. У меня такое впечатление, что il ne le veut pas mettre dedans les autres^a. Желание ли это того человека или всего тараканьего общества^b, неясно. <...>

Я сказала, право же, не было бы ничего дурного, пожелай он встретиться с интересным человеком, как говорится, nicht hoffähig^c, пригласить его наряду с другими – что плохого, если государь говорит с народом, чем больше он видит людей, тем лучше. Пагубно это, лишь когда окружено тайной. <...>

Я говорила с Ники о словах Юрия^d – он, казалось, был изумлен – и о многом другом: об их манере разговаривать, об упорной таинственности. Это, должно быть, явило ему все в новом свете. И как это отозвалось во всей России. И еще о том, что семья огорчена, ей был нанесен такой ущерб... всю правду, и о наших разговорах. О, если бы ты была здесь и мало-помалу открывала ему глаза, может быть их влияние было бы сломлено совсем. А сейчас у меня такое чувство, что мы проиграли, а они празднуют победу <...>».

Относительно своих объяснений с Елизаветой Федоровной император Николай II писал супруге: «Зная, что оставляю тебя совсем одну (не считая детей) после таких испытаний, да еще с Эллой, я чувствую себя несчастным как никогда, я хочу сказать, что эта разлука – самая болезненная из всех. Но нечего делать, Бог Сам знает, что для нас хорошо, мы должны склонить головы и повторять священные слова: „Да будет воля Твоя“».

Не знаю почему, но сегодня перед прибытием сюда я так спокоен, это

^a он не хочет его показывать (фр.).

^b Имеются в виду великие княгини Анастасия и Милица Николаевны с супругами.

^c без всякого положения при дворе (нем.).

^d Георгий, принц Сербский. Впоследствии его сестра, Елена, рассказывала, что Георгий ей говорил, что миссия Филиппа близится к концу (он действительно умер в 1905 г.) и потом он явится под именем другого человека. Анна Вырубова вспоминала, что государыня говорила ей, что приход Распутина был предсказан доктором Филиппом. Незадолго перед смертью он сказал им, «что у них будет еще один друг, которому дано говорить с ними от имени Бога, и когда появился Распутин, они приняли его как этого друга». Впоследствии, когда место Филиппа занял Григорий Распутин, он был воспринят императорской четой как восприемник миссии Филиппа; с ним они стали связывать благополучие своей семьи и империи.

исполняется обещание „нашего Друга“».

В свою очередь и Сергей Александрович высказал свои смущения Константину Константиновичу. «Сергей отозвал меня на балкон и признался в большом своем смущении по поводу частых за последний год посещений государем и молодой императрицей Знаменки, где у Милицы они подпали под сильное влияние француза Филиппа; он, по словам Сергея, какой-то мистик. Сергей утверждает, что Их Величества впали в мистическое настроение, что они на Знаменке молятся с Филиппом, что не могут дождаться минуты ехать на Знаменку, проводят там долгие вечера и возвращаются оттуда в каком-то восторженном состоянии, как бы в экстазе, с просветленными лицами и блестящими глазами», – записал тот в своем дневнике 24 августа 1902 года.

После смерти в 1891 году супруги великого князя Павла Александровича, великой княгини Александры Георгиевны, их дети – малолетняя дочь Мария и новорожденный младенец Дмитрий – остались на попечении великого князя Сергея Александровича и его супруги Елизаветы Федоровны.

В 1902 году великий князь Павел Александрович вступил во второй, морганатический брак с разведенной женой генерал-майора Эрика Августа фон Пистолькорса Ольгой Валерьяновной. Брак не был признан императором, и супруги были высланы из России. Хорошо понимая, что император не согласится признать этот брак, великий князь Павел Александрович перед отъездом из России распорядился, чтобы ему было выдано из его конторы прямо в вагон три миллиона рублей, что и было исполнено. Дети, Дмитрий и Мария, по просьбе великого князя Сергея Александровича были отданы под официальную опеку его и его супруги. В 1904 году император Николай II простил великого князя Павла Александровича за брак, заключенный и против его воли, и против существовавших в то время правил. Однако дети Павла Александровича так и остались на воспитании опекунов.

Впоследствии Мария Павловна написала воспоминания о жизни в семье дяди, интересные тем, что здесь Сергей Александрович и Елизавета Федоровна предстают в обыденной бытовой обстановке, вне этикета, часто скрывающего особенности личности человека за светскими условностями.

«У дяди Сергея и тети Эллы никогда не было своих детей. Их отношения отличались сильной привязанностью, покоившейся на безусловном согласии тети с любым решением дяди, и в крупных, и в мелких вопросах, – писала Мария Павловна. – Оба гордые и сдержанные, они редко показывали свои чувства и никогда ни с кем не делились.

Приняв православие, тетя с каждым годом все с большим рвением исполняла его обряды. Несмотря на то, что дядя Сергей был набожен и скрупулезно соблюдал все православные обряды, он с тревогой наблюдал, как жену все более поглощает духовная жизнь, и под конец считал это просто неумеренным.

Он обращался с ней как с ребенком. Думаю, ее задевало такое отношение и она хотела большего понимания. А в результате она все более замыкалась в себе. Она и дядя, как мне кажется, никогда не были очень близки. Большой частью они встречались только за едой, а днем избегали оставаться наедине. <...>

Когда он бывал подавлен или мрачен, его губы сжимались в узкую прямую линию, а глаза становились маленькими светлыми точками. Его не без оснований называли холодным, жестким, но по отношению к Дмитрию и ко мне он проявлял почти женскую нежность. Несмотря на это, он требовал от нас, как и от всех в

доме и окружающих, четкого и мгновенного послушания. Он считал, что лично должен заниматься домом, имениями, всеми делами и мельчайшими подробностями жизни каждого из нас, не допуская никакого противоречия малейшему своему решению. <...> Тетя Элла была одна из самых красивых женщин, каких я видала в жизни. Она была высокая и стройная блондинка с необыкновенно тонкими и чистыми чертами лица. У нее были серо-голубые глаза <...>, их взгляд производил совершенно необычное впечатление.

Даже в деревне тетя уделяла много времени и внимания своей внешности. Она сама придумывала фасоны большей части своих платьев, сама их рисовала и раскрашивала, тщательно обдумывая их и нося умело и изящно. Дядя, у которого была страсть к драгоценностям, много ей дарил – у нее почти к каждому костюму был свой, гармонизировавший с ним ювелирный набор.

Когда мы были маленькими – еще при жизни дяди, – тетя Элла не проявляла интереса к нам или к чему-либо касающемуся нас и видала нас очень мало. Вероятно, ей не нравилось наше пребывание в доме и явная привязанность к нам дяди. Иногда она говорила мне обидные для меня слова.

Помню, однажды она оделась для выезда и показалась мне особенно красивой. Платье было простое, из белого муслина, но она причесалась по-новому – распустила волосы, собрав их на затылке бантом из черного шелка <...>.

Я воскликнула: „Ой, тетя, вы как маленький паж на картинке в волшебной сказке!“

Она без улыбки повернулась к моей бонне и сказала сухим, резким тоном: „Фрейлейн, вы должны научить ее не делать личных замечаний“.

И ушла.

Одевание к обеду она превратила в целую церемонию, требовавшую много времени. Горничные, кастелянша – все были в сборе. В корзине, обитой розовым сатином, приготовлено обшито кружевами батистовое белье. Ванны наполнены горячей ароматной водой с вербеной. Плавают розовые лепестки.

Когда горничные и другая прислуга снимали с нее платье для выезда днем, тетя уединялась в своем будуаре. Служанки ждали с разложенными вокруг них в определенном порядке чулками, туфлями, нижними юбками и другими сложными принадлежностями туалета того времени. Из соседней комнаты слышен был плеск воды. Тетя открывала дверь, только приняв ванну и надев корсет. Тогда горничные бросались вперед, каждая со своей определенной функцией.

Пока они ее одевали, тетя внимательно, обычно с удовольствием, рассматривала себя в большом трельяже, где она могла видеть себя со всех сторон. Окончательные детали она вносила своими руками. Если костюм чем-то не удовлетворял ее, она снимала его и просила другой, который прилаживала с той же заботой и терпением.

Одна из горничных причесывала ее. Маникюр она делала себе сама. <...>

По окончании маникюра ей подавали вечернее платье – теперь в ритуале наступал мой черед. Тетя говорила мне, какие драгоценности она хочет надеть, я шла к ее шкафчику с драгоценностями, напоминавшему скорее витрину ювелирного магазина, и приносила выбранное. Вскоре дядя, с его обычной точностью, стучал в дверь, чтобы сказать, что обед подан. <...>

Помню, как однажды вечером, в те же времена, я увидела тетю в придворном платье – величественную, с длинным парчовым шлейфом, сверкающую драгоценностями и необыкновенно красивую. Онемев при этом

зрелище, я привстала на цыпочках и запечатлела полный любви поцелуй сзади на ее белой шее, прямо под великолепным тяжелым сапфировым ожерельем. Она ничего не сказала, но я видела ее глаза, и холодный, жесткий ее взгляд пронзил меня до самого сердца».

В 1903 году состоялось глубоко знаменательное для православной России и для царской семьи событие – давно уже чаемое многими прославление преподобного Серафима Саровского. На торжествах прославления присутствовала вся царская семья. Елизавета Федоровна, передавая свои впечатления от поездки в Саров, писала сестре, принцессе Виктории:

«Как много красивых и здоровых впечатлений. Мы ехали шесть часов в экипажах до монастыря. По дороге в деревнях красивые, здоровые люди были живописны в ярко-красных сарафанах и рубахах. Монастырь очень красив и расположен в необъятном сосновом бору. Богослужение и молитвы, читаемые на нем, были замечательны. Св[ятой] Серафим был монахом, жил в XVIII столетии, был известен чистотою и святостью своей жизни и при этом исцелял больных и нравственно поддерживал к нему обращающихся, а после его кончины чудеса не прекращаются. Тысячи и тысячи народа со всех концов России собрались в Сарове на день его прославления и привезли своих больных из Сибири и Кавказа... Какую немощь, какие болезни мы видели, но и какую веру. Казалось, что мы живем во времена земной жизни Спасителя. И как они молились, как плакали – эти бедные матери с больными детьми, и, слава Богу, многие исцелились. Господь сподобил нас видеть, как немая девочка заговорила, но как молилась за нее мать».

В 1904 году началась Русско-японская война. Великая княгиня вся погрузилась в хлопоты по деятельной помощи фронту. Ею был создан Особый Ее Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Федоровны комитет, который занялся организацией в Большом Кремлевском дворце мастерских и склада по сбору пожертвований в помощь раненым и нуждающимся. Здесь принимали деньги и вещи, шили одежду и собирали медикаменты. Особый отдел отвечал за отправку грузов и вел контроль за их доставкой. Исполнительная комиссия занималась бесплатным размещением раненых. На средства комитета были созданы девять летучих санитарных отрядов, подвижной склад, имевший несколько отделений на передовой, плавучий лазарет, бактериологическая станция имени С.П. Боткина и устроено несколько походных церквей. По замыслу великой княгини и под ее почетным председательством был учрежден Комитет в помощь жертвам Русско-японской войны, который занимался поиском работы для офицеров и нижних чинов, помогал вдовам и сиротам в устройстве в богадельни и приюты, в получении пенсий и пособий.

В конце 1904 года со склада великой княгини было отправлено на Дальний Восток вещей на сумму около 700 тысяч рублей. За несколько месяцев работы было изготовлено около 300 тысяч пудов разных вещей, 580 тысяч штук марлевых бинтов, отправлено 118 вагонов гуманитарной помощи. Всего на нужды раненых было истрачено Комитетом под председательством великой княгини около полутора миллионов рублей.

В письме императрице Марии Федоровне, написанном 14 сентября 1904 года, вполне отразился тогдашний душевный настрой великой княгини: «<...> разве можно чем-то наслаждаться, когда тебя преследует война. Не сомневаюсь, наверняка ты была бы рада встретиться с солдатами <...>. Они так трогательны в своих страданиях, так сильны духом. Единственное утешение – не сидеть без дела, знать, что ты хоть чем-то можешь быть полезен, облегчить невзгоды,

которые они так мужественно претерпевают».

Приближалось время изменения всего строя жизни великой княгини Елизаветы Федоровны. «Началось революционное брожение; неудачные военные действия на Дальнем Востоке были искусно использованы революционерами, начались студенческие забастовки и забастовки на фабриках и заводах. Великий князь советовал выказывать твердость и силу, но в Петербурге с его мнением не согласились, и он отказался от поста московского генерал-губернатора, сохранив за собой лишь пост командующего Московским военным округом. Великая княгиня с мужем и племянниками покинули генерал-губернаторский дом и переехали в Нескучное. Однако и там им пришлось оставаться недолго, так как ввиду все нараставшего враждебного отношения революционеров к великому князю им там стало [жить] небезопасно. Они переехали в Николаевский дворец в Кремле около Чудова монастыря. <...> Великий князь начал получать в большом количестве угрожающие письма». Как чиновник, занимавший один из высших государственных постов, он был приговорен революционерами к смерти.

В начале ноября 1904 года убийца великого князя Иван Каляев нелегально въехал «в Россию, – писал один из революционных «судей» и организаторов убийства Борис Савинков, – <...> потянулись хмурые дни наблюдения. <...> Великий князь ждал покушения. <...> Из дома генерал-губернатора он <...> в декабре переехал в Нескучное и через несколько дней опять переменил место жительства. Теперь он скрывался в Кремлевском дворце. Это сильно мешало наблюдению. Но Иван Каляев был неутомим. Он едва держался от усталости на ногах, едва справлялся с закладкой, едва находил в себе силы дни и ночи просиживать на козлах – и все-таки, как тень, скользил за великим князем <...>.

К концу января он уже изучил все привычки великого князя. <...> на 2 февраля было назначено покушение. <...>

Вечером в среду 2 февраля великий князь должен был посетить в Большом театре спектакль, устроенный в пользу Склада великой княгини Елизаветы Федоровны. Местом покушения была выбрана Воскресенская площадь. <...> Иван Каляев ждал около Думы. <...>

В начале 9-го часа карета великого князя, блестя своими характерными яркими и белыми огнями, поравнялась с Каляевым. Одетый по-простонародному в поддевку, он подбежал к ней, поднял руку и тотчас же опустил ее. В карете, кроме Сергея Александровича, сидела еще женщина и дети – как оказалось впоследствии, великая княгиня Елизавета Федоровна и дети великого князя Павла, Дмитрий и Мария. <...> Каляев вернул свой снаряд и ушел <...>.

В пятницу 4 февраля великий князь должен был, по обыкновению, прибыть днем в свою канцелярию <...>. С 2-х часов Каляев со снарядом, завернутым в бумажный платок, находился уже в Кремле у памятника Александру II. <...> С этого места был виден дворец великого князя. У ворот стояла карета. <...>

Каляев <...> прошел <...> к иконе Иверской Божией Матери. Он давно, еще раньше заметил, что на углу прибита в рамке из стекла лубочная патриотическая картинка. В стекле этой картинке, как в зеркале, отражался путь от Никольских ворот к иконе. Таким образом, стоя спиной к Кремлю и рассматривая икону, можно было заметить выезд великого князя. <...> Он <...> успел еще вернуться к Иверской и повернуть обратно мимо Исторического музея через Никольские ворота в Кремль, к зданию суда. У здания суда он встретил великого князя».

«Против всех моих забот, я остался 4 февраля жив, – писал Каляев из

тюрьмы друзьям. – Я бросал на расстоянии четырех шагов, не более, с разбега, в упор, я был захвачен вихрем взрыва, видел, как разрывалась карета. После того как облако рассеялось, я оказался у остатков задних колес. Помню, в меня пахнуло дымом и щепками прямо в лицо, сорвало шапку. Я не упал, а только отвернул лицо. Потом увидел шагах в пяти от себя, ближе к воротам, комья великокняжеской одежды и обнаженное тело... Шагах в десяти за каретой лежала моя шапка, я подошел, поднял ее и надел. Я огляделся. Вся поддевка моя была истыкана кусками дерева, висели клочья, и она вся обгорела. С лица обильно лилась кровь, и я понял, что мне не уйти...»

«Взрывом, происшедшим от разорвавшейся бомбы, великий князь был убит на месте, а сидевшему на козлах кучеру Андрею Рудинкину были причинены многочисленные тяжкие телесные повреждения, – сообщалось в скупых строках официального рапорта. – Тело великого князя оказалось обезображенным, причем голова, шея, верхняя часть груди с левым плечом и рукой были оторваны и совершенно разрушены, левая нога переломлена с раздроблением бедра, от которого отделилась нижняя его часть, голень и стопа. Силой произведенного злоумышленником взрыва кузов кареты, в которой следовал великий князь, был расщеплен на мелкие куски и, кроме того, были выбиты стекла наружных рам ближайшей к Никольским воротам части здания судебных установлений и расположенного против этого здания арсенала».

«Шел к концу прекрасный зимний день, все было спокойно, снег смягчал доносившийся до нас городской шум, – вспоминала об этом дне Мария Павловна. – Вдруг раздался ужасный взрыв, от которого зазвенели стекла.

Наступившая затем тишина была такой угнетающей, что в течение нескольких секунд мы не могли шевельнуться или взглянуть друг на друга. <...>

Стая ворон, испуганная взрывом, бешено пронеслась вокруг колокольни и исчезла. На площади появились признаки жизни. Все люди бежали в одном направлении.

Теперь площадь была уже полна народу. Тетя выбежала из дома, набросив на плечи пальто. За ней – мадемуазель Елена^а в мужском пальто. Обе были без шляп. Они вскочили в сани, тут же тронувшиеся на полной скорости, и исчезли из виду, скрывшись за углом площади. <...>

Нас привели только тогда, когда все <...> было сделано. <...> Церковь была переполнена; все стояли на коленях; многие плакали. Носилки стояли у ступеней алтаря, внизу, на камнях. Их содержимое было, по-видимому, невелико, потому что шинели покрывали что-то очень небольшое. На одном конце из-под них виден был сапог. Капли крови падали на пол, медленно собираясь в маленькое темное пятно.

Тетя стояла на коленях у носилок. Ее яркое платье выглядело странно на фоне окружавших ее скромных одежд. <...> Лицо ее было белым и потрясало необыкновенной суровостью. <...> Я заметила пятна крови на правом рукаве ее нарядного голубого платья. Кровь была и на руке, и под ногтями ее пальцев, крепко сжимавших медали, которые дядя всегда носил на шее, на цепи.

Дмитрию и мне удалось увести ее в ее комнаты. Она, расслабившись, упала в кресло. Сухими глазами, тем же странным неподвижным взглядом она смотрела прямо перед собой, в пространство и ничего не говорила...

Тетя несколько раз спрашивала о дядином кучере. Он лежал в больнице в

^а Е.Ф. Джунковская – воспитательница Марии и Дмитрия, сестра В.Ф. Джунковского.

безнадежном состоянии. К шести часам вечера тетя Элла поехала сама навестить раненого; и чтобы не расстраивать его видом траура, она была в больнице в том же нарядном голубом платье, которое носила весь день. <...> Когда кучер спросил, как здоровье дяди, у нее хватило духа с улыбкой ответить ему, что сам великий князь послал ее к нему. Ночью бедняга тихо отошел.

Тетя Элла ничего не ела, но вошла в комнату, когда мы кончали ужинать, и села с нами за стол. На ней все еще было это голубое платье. Взглянув на ее бледное, изнуренное лицо, мы устыдились, что едим. Она сказала, что хотела бы переночевать в моей комнате, чтобы не оставаться одной в своих апартаментах на первом этаже. Прежде чем отослать Дмитрия спать, она попросила, чтобы мы помолились при ней, и мы все трое стали на колени».

«Из Якиманской части Каляева перевели в Бутырскую тюрьму – в Пугачевскую башню, – вспоминал Борис Савинков. – Через несколько дней его посетила жена убитого им Сергея Александровича великая княгиня Елисавета Федоровна».

«Мое свидание с великой княгиней произошло вечером 7 февраля в канцелярии арестного дома Пятницкой части, куда меня привели нарочно, – писал Каляев своим друзьям из тюрьмы. – Я не был предупрежден о свидании, я не звал великую княгиню к себе. Когда она вошла ко мне, вся в черном, медленной походкой разбитого горем человека, со слезами на глазах, я не узнал ее и первоначально предположил, что это кто-нибудь из арестованных для опознания. „Жена я его“, – прошептала великая княгиня, приблизившись ко мне. Я не встал перед нею, и она беспомощно опустилась на соседний стул и продолжала плакать <...>.

„Княгиня, – сказал я, – не плачьте. Это должно было случиться... Почему со мной говорят только после того, как я совершил убийство“, – сказал я в раздумье.

„Вы, должно быть, много страдали, что вы решились“, – заговорила она, но тут я прервал ее, вскочил и в большом возбуждении от ее слез громко произнес: „Что из того, страдал я или нет. Да, я страдал, но мои страдания я слил со страданиями миллионов людей. Слишком много вокруг нас льется крови, и у нас нет другого средства протестовать против жестокостей правительства, против этой ужаснейшей войны... Но почему со мной разговаривают только после того, как я совершил убийство“, – повторил я, прервав свои размышления.

„Да, очень жалко, что вы к нам не пришли и что мы не знали вас раньше“. <...>

„Но ведь вы знаете, что сделали с рабочими 9 января, когда они шли к царю? Неужели вы думали, что это может пройти безнаказанно? Эта ужасная война, которая ведется с такою ненавистью к народу... Вы объявили войну народу, мы приняли вызов. Я отдал бы тысячу жизней, а не одну. Россия должна быть свободной“. – „Но честь, честь родины“, – заметила она. <...>

„Честь родины“, – повторил я с сарказмом. „Разве вы думаете, что и мы не страдаем? Разве вы думаете, что и мы не желаем добра народу?“ – „Да, вы теперь страдаете... – заметил я. – А добро... оставим в покое добро“.

Мы оба замолчали, и я сел. Великая княгиня также успокоилась немного и начала причитывать о великом князе <...>. Тут я опять прервал великую княгиню и, щадя ее чувства, заявил: „Не будем говорить о великом князе. Я не хочу с вами говорить о нем, я скажу все на суде. Вы знаете, что я совершил это вполне сознательно. Великий князь был определенный политический деятель. Он знал, чего хотел“.

„Да, я не могу вести с вами политических разговоров... Я хотела бы только, чтобы вы знали, что великий князь простил вам, что я буду молиться за вас...“

Мы смотрели друг на друга, не скрою, с некоторым мистическим чувством, как двое смертных, которые остались в живых. <...>

„Я прошу вас, возьмите от меня на память иконку. Я буду молиться за вас“. И я взял иконку. <...> Великая княгиня встала, чтобы уйти. Я также встал.

Похороны скончавшегося от ран кучера предварили похороны великого князя. Узнав о его кончине, великая княгиня отправилась сначала в больницу, а затем на погребение. Она отстояла литургию и отпевание и затем медленно пошла за гробом, не обращая ни на кого внимания. После погребения, когда она стала возвращаться, она шла, погруженная в себя, ничего не замечая вокруг, сбиваясь с дороги и попадая в снег.

«Понятно, какое сильное нравственное потрясение вызвало в ней это трагическое событие, – вспоминал видевший великую княгиню в эти дни Павел Григорьевич Курлов, бывший в то время курским вице-губернатором. – Потрясение это охватило ее всецело не только в первые дни, но оставило след на всю дальнейшую жизнь. Я никогда не забуду той ужасной по своей простоте минуты, когда в 3 часа ночи накануне погребения, во время одного из моих дежурств при гробе, в церковь из соседней комнаты вошла великая княгиня. Она двигалась автоматической походкой, видимо, не вполне сознавая свои действия. Медленно подошла она к усопшему и, приподняв покров, стала что-то поправлять в гробу, где лежало изуродованное тело. Мы, дежурные, замерли, боясь шевельнуться. Быстрыми шагами к великой княгине приблизился состоявший при ней гофмейстер Н.А. Жедринский и увел ее во внутренние покои».

«В течение всех этих печальных дней тетья проявила поистине непостижимый героизм, – вспоминала впоследствии Мария Павловна. – Никто не мог понять, откуда у нее явились силы так переносить свое горе. И прежде замкнутая, теперь она еще более ушла в себя. Только ее глаза да иной раз убитое лицо выдавали ее страдания; и с энергией, поразительной после долгих лет почти полной пассивности, она сама занялась всем, до самых ужасающих подробностей».

10 февраля в присутствии множества народа состоялось отпевание убитого великого князя. После отпевания гроб с останками был перенесен в Андреевскую церковь, где он оставался до устройства усыпальницы под храмом Чудова монастыря. На средства, отпущенные великой княгиней, до сорокового дня устраивались бесплатные поминальные обеды во всех народных домах и столовых Попечительства о народной трезвости. Всего было выдано сорок пять тысяч обедов по билетам, розданным неимущему населению участковыми попечительствами о бедных.

Через несколько дней после погребения мужа Елизавета Федоровна писала вдовствующей императрице Марии Федоровне: «Благослови тебя Господь, дорогая. О, как бы я хотела, чтоб ты была здесь, моя дорогая, дорогая, добрая, любящая сестра, просто чтобы благословить тебя за утешение, любовь и доброту, согревшие бедное страждущее сердце Сержа при нашей последней встрече. Я чувствую твое одиночество, увы, мы знаем, что это такое. И все же Господь в Своем великом милосердии даровал мне безграничное утешение жить близ маленькой церковки, где такая атмосфера мира и покоя. Уверена, это утишило бы и твое сердце и придало бы тебе сил. Там я начинаю и заканчиваю свой день, и

кажется, нерушимый покой осеняет меня в дневные часы, словно я прихожу из другого мира выполнить свой долг, утешить других, и это не я живу, а кто-то другой, тогда как моя душа почиет на небесах подле той чистой и честной души, что руководила мной, помогала во всем и без которой меня больше нет. Я даже не могу плакать, я не здесь, а там, наверху. Конечно, жизнь идет, со своими нуждами, скорбями, тревогами, и надо работать. Телом я вполне здорова, даже лекарства [не] принимаю и чувствую себя хорошо. Господь поистине благословил меня мощами святителя Алексия. Только бы мне жить по правде, так, как желал бы мой Серж. Я бы хотела когда-нибудь стать достойной того, что была его женой».

В мае 1905 года Каляев был приговорен к смерти. «На другой день министр юстиции Манухин, делая доклад государю, спросил его, желает ли он смягчить приговор Каляеву, как его о том просила великая княгиня Елизавета Федоровна. Николай II помолчал, потом спросил небрежным тоном: „У вас больше ничего нет к докладу, Сергей Сергеевич?..“ – и отпустил его. Но затем тотчас же призвал директора Департамента полиции Коваленского и дал ему секретное приказание.

Каляев был тогда переведен из Москвы в Шлиссельбургскую крепость, знаменитую государственную тюрьму. 23 мая в 11 часов вечера в камеру осужденного вошел главный военный прокурор Федоров, ведший следствие по его делу; он был еще по университету знаком с Каляевым. „Я уполномочен вам передать, – сказал он, – что, если вы попросите о помиловании, Его Величество соизволит вам даровать его“. Каляев ответил со спокойною твердостью: „Нет, я хочу умереть за свое дело“. <...> Федоров сделал последнее усилие, чтобы убедить его. Собрав все свои силы, но сохраняя полное спокойствие, Каляев торжественно заявил: „Я хочу и должен умереть. Моя смерть будет еще полезнее для моего дела, чем смерть Сергея Александровича“ Прокурор <...> вышел из камеры и приказал исполнить приговор».

Смерть мужа стала существенным рубежом в жизни великой княгини. Все мирские ценности, если они когда-то и представляли для нее значимость, теперь поблекли. Надо было начинать всецело жить для других.

«Всегда очень набожная, – вспоминала Мария Павловна о Елизавете Федоровне, – теперь она целиком погрузилась в религию и нашла в ней опору. С этого момента она особенно усердно занялась делами благочестия и милосердия. Ничего мирского; траур оправдывал ее решение оставить придворную жизнь и посвятить себя выполнению своего долга, каким она его представляла себе в мистическом и конкретном планах».

В Ильинском Елизавета Федоровна организовала госпиталь для раненых и проводила там целые дни, лично занимаясь всеми вопросами. Когда пришла пора вернуться в Москву, в Николаевский дворец, ставший ее новым местом жительства, она, не желая отменять взятого на себя дела попечения о раненых воинах, арендовала вблизи Кремля дом и превратила его в госпиталь.

Весну 1905 года великая княгиня вместе с племянниками Дмитрием и Марией провела в Царском Селе, а затем по приглашению императора Николая II и его супруги приехала туда с племянниками в декабре, чтобы провести вместе семейные и церковные праздники – день тезоименитства императора Николая II и Рождество Христово. Время от времени она выезжала в Москву для устроения и налаживания дел, касающихся благотворительности. В один из таких дней, когда она собиралась отправиться в Москву, ей было сообщено, что началась забастовка железнодорожников и поезда перестали ходить, – началась

революция.

22 декабря 1905 года Елизавета Федоровна писала заведующему ее двором графу Георгию Георгиевичу Менгдену: «Революция не может кончиться со дня на день, она может только ухудшиться или сделаться хронической, что, по всей вероятности, и будет. Я себя чувствую здесь как за границей, я порываю связь с Москвой, а между тем мой долг заняться теперь помощью несчастным жертвам восстания. Я попросту считаю себя подлой, оставаясь здесь, предпочитаю быть убитой первым случайным выстрелом из какого-нибудь окна, чем сидеть тут сложа руки.

Я покинула свой пост, как всегда, чтобы принести поздравления 6 декабря^а, потом было невыносимо вернуться, это было бы глупо и причинило бы властям лишние осложнения. Теперь я должна вернуться 26-го. Я осталась, чтобы встретить праздник Рождества – это нормально, но дальше не имеет уже смысла, и Москва – настоящая, не анархисты, – меня не поймет, если я не вернусь, и будет права <...>. Не надо бояться смерти, надо бояться жить.

Я понимаю Дубасова^б, но он меня не понимает, так как меня не знает. Благословляю его энергию, его труды».

Забота о страждущих и раненых переросла в июле 1907 года в намерение организовать лазарет для увечных воинов Русско-японской войны, который и был устроен великой княгиней на купленном ею земельном участке на Большой Ордынке в Москве в октябре того же года. Но это не вполне удовлетворило ее и не ответило полностью потребностям ее ума и сердца, и она напряженно искала то дело, которое заняло бы ее целиком. И, как ей думалось, нашла его в проекте Марфо-Мариинской обители, не совсем монастыре и не совсем сестричестве.

«Не знаю, как благодарить Бога за этот дивный душевный и телесный отдых, – писала она 18 июля 1908 года императрице Марии Федоровне из Гапсаля⁵, где находился грязевой и климатический курорт и где великая княгиня лечилась от ревматизма, – и я так счастлива, что набралась сил и к зиме смогу как следует взяться за мою будущую большую благотворительную работу – новое сестричество, которое я хочу основать для бедных и ради которого намерена совершенно переменить свою жизнь».

«Отныне ее главной заботой стало устройство общины, в которой внутреннее духовное служение Богу органически соединено было с деятельным служением ближним во имя Христово, – писал архиепископ Анастасий (Грибановский), бывший во время устройства великой княгиней общины епископом Серпуховским, викарием Московской епархии. – Это был совершенно для нас новый тип организованной церковной благотворительности, поэтому он обратил на себя общее внимание. В основу его была положена глубокая и непреложная мысль: никакой человек не может дать другим более, чем он имеет сам. Мы все почерпаем от Бога, а потому и в Нем только можем любить своих ближних. Так называемая естественная любовь или гуманность быстро излучается, сменяясь охлаждением и разочарованием. Тогда как тот, кто живет во Христе, способен подниматься на высоту полного самоотречения и полагать душу свою за други своя. Великая княгиня не только хотела одушевить нашу благотворительность духом Евангелия, но и поставить ее под покров Церкви и через то приблизить к последней постепенно самое наше общество, в значительной своей

^а 6 (19) декабря день тезоименитства императора Николая II.

^б Дубасов Федор Васильевич, в 1905–1906 гг. московский генерал-губернатор, организатор разгрома Декабрьского вооруженного восстания.

части остававшееся еще тогда равнодушным к вере».

Работавшие вместе с великой княгиней в Большом Кремлевском дворце на складе по сбору пожертвований в помощь раненым и нуждающимся стали замечать происходящую в ней перемену: «она стала живее интересоваться делами склада, взгляд ее стал не таким напряженным и далеким от жизни, как будто она нашла какой-то интерес и какую-то цель в жизни. Говорили, что она хочет удалиться от света и посвятить себя богоугодным делам. Она купила в Замоскворечье на Большой Ордынке дом с большим участком земли. Там должна была возникнуть община диаконисс. <...> Великая княгиня надеялась осуществить свою мечту путем соединения самоотверженного служения ближним с духовной созерцательной жизнью. Община должна была называться Марфо-Мариинская Обитель милосердия в память святых сестер Марфы и Марии, которые должны были служить примером и вдохновлять сестер. Приготовления и хлопоты по осуществлению этого проекта отвлекли Елизавету Федоровну от мрачных мыслей. Она как бы проснулась к жизни, стала живо всем интересоваться и руководила всеми работами. Неожиданно она проявила большой деловой ум и распорядительность. При общине устраивались лазарет для тяжелораненых, больница на 15 коек, амбулатория, аптека. Расходов она не жалела, и когда ей докладывали, что не хватит денег, она неизменно отвечала: „J'ai encore mes bijoux“^a».

В 1908 году великая княгиня стала усиленно трудиться над уставом будущей обители; проекты были поданы от нескольких лиц, в частности от протоиерея Митрофана Сребрянского^b, служившего в Орле настоятелем Покровского храма 51-го драгунского Черниговского полка, шефом которого была великая княгиня. Больше всего пришелся по душе Елизавете Федоровне устав, написанный отцом Митрофаном, и она пригласила его для служения в начинающую свою жизнь обитель. Перед тем как переехать в Москву и в каком-то смысле переменить свою жизнь, взявшись за совершенно новое планируемое великой княгиней дело, отец Митрофан отправился в Зосимову пустынь к иеросхимонаху Алексию (Соловьеву)^c посоветоваться и разрешить свои сомнения. Отец Алексей благословил его переезжать в Москву и смело браться за дело, предпринимаемое Елизаветой Федоровной.

17 сентября 1908 года митрополит Московский Владимир (Богоявленский)^d назначил отца Митрофана настоятелем храма Марфо-Мариинской обители и 20 ноября того же года утвердил временный устав обители, в котором было определено общее направление ее деятельности: она «имеет целью трудом сестер Обители милосердия и иными возможными способами помогать в духе чистого христианства больным и бедным и оказывать помощь и утешение страждущим и находящимся в горе и скорби». Для реализации этих целей в обители был храм, лазарет-убежище для раненых воинов – участников Русско-японской войны и лечебница «для больных, преимущественно бедных, из числа тех, за которыми сестры» будут ухаживать во время своей работы в городе.

^a У меня еще есть драгоценности (*фр.*).

^b Преподобноисповедник Сергей (в миру Митрофан Васильевич Сребрянский), архимандрит; память 23 марта / 5 апреля.

^c Преподобный Алексей Зосимовский (в миру Феодор Алексеевич Соловьев); память 19 сентября / 2 октября.

^d Священномученик Владимир (в миру Василий Никифорович Богоявленский); память 25 января / 7 февраля.

В феврале 1909 года великая княгиня и будущие сестры поселились в Марфо-Мариинской обители. Ближайшей ее помощницей и казначеей обители стала Валентина Сергеевна Гордеева, вдова курского губернатора и фрейлина императрицы Марии Федоровны. Впоследствии сестрами обители и помощницами великой княгини становились женщины и из дворянского сословия, и из крестьянского, прошедшие двухгодичное обучение на медицинских курсах при Покровской общине.

Родным великой княгини казалось, что резкая перемена жизни будет вредна для ее здоровья, и, чтобы убедить их в обратном, она решила подробно описать императору, как проходит ее жизнь в обители: «<...> утром мы вместе молимся, одна из сестер читает в церкви в полвосьмого; в восемь часы и обедня, кто свободен, идет на службу, остальные ухаживают за больными, или шьют, или еще что... У нас немного больных, так как мы берем пациентов, чтобы на практике учиться лечить разные случаи, о которых идет речь в лекциях докторов, и для начала взяли только легких больных, сейчас уже все более и более трудные случаи, но слава Богу, больница наша просторная, светлая, сестры очень преданы своему делу, и больные прекрасно идут на поправку. В полпервого сестры во главе с госпожой Гордеевой садятся обедать, а я ем у себя одна – это мне по душе, и, кроме того, я нахожу, что, несмотря на общежитие, некоторая дистанция все же должна быть. В посты, по средам и пятницам у нас подается постное, в другое время сестры едят мясо, молоко, яйца и т.д. Я уже многие годы не ем мяса, как ты знаешь, и у меня все тот же вегетарианский стол, но те, кто к этому не привык, должны есть мясо, особенно при тяжелой работе. <...>

Спим свои восемь часов, если кто не засиживается позже положенного; у нас хорошие кровати и чудесные комнатки с яркими обоями и садовой мебелью. Мои комнаты большие, просторные, светлые, уютные, тоже летние, все, что у меня было, в восторге от них. Мой дом стоит отдельно, потом больница с домовою церковью, дальше дом врачей и лазарет для солдат и еще дом батюшки – четыре дома. После обеда некоторые выходят подышать воздухом, потом все берутся за работу; чай подается в четыре, ужин в полвосьмого, потом вечерние молитвы в моей молельной в восемь и спать в десять с половиной.

Теперь о лекциях: три раза в неделю батюшка, три раза – врачи, между лекциями сестры читают или готовятся. Пока у них медицинская практика только в больнице <...>. Батюшкины лекции очень интересны, просто исключительно, ведь он не только глубоко верующий, но еще и необычайно начитанный человек. Он начинает от Библии, а закончит церковной историей, указывая сестрам, как и что они смогут сказать и чем облегчить душевные страдания. Ты ведь знаешь отца Митрофана, он произвел на тебя благоприятное впечатление в Сарове, а в Орле его просто обожали. И здесь многие приезжают издалека в нашу маленькую церковь и обретают силы в его прекрасных простых проповедях и исповеди. Это широкий человек, в нем нет ничего от ограниченного фанатика, все основывается на безграничной любви о Господе и прощении – истинно православный священник, строго держащийся Церкви, для нашего дела – благословение Божие, так как он заложил необходимое основание. Скольких он вернул к вере, наставил на путь истинный, от скольких я слышу благодарность за великое благо иметь возможность посещать его. Никакой экзальтации – но ты довольно меня знаешь, я люблю спокойную, глубокую веру и никоим образом не могла остановить свой выбор на священнике-фанатике. <...>

Я хочу, чтобы вы оба и все-все знали то, о чем я уже много раз говорила и

писала: я совершенно покойна, а совершенный покой – это совершенное счастье. <...> Мало-помалу моя жизнь повернула на этот путь. Это не минутная фантазия, и никакое разочарование меня не ждет: я могу быть разочарована в самой себе, но у меня и нет никаких иллюзий, и я не воображаю, будто я не такая, как все. Я хочу работать для Бога и в Боге, для страждущего человечества, а в старости, когда мое тело уже не сможет трудиться, я надеюсь, Господь даст мне покой и молитву – о деле, мною начатом. И тогда я уйду из деятельной жизни и буду готовить себя для той, большой обители. Но пока у меня есть здоровье и силы, а кругом столько горя, и, следуя по стопам Христа-Кормчего, мы идем к страждущим – в них мы помогаем Ему. <...>

Если у тебя найдется минута ответить мне, пожалуйста, напиши и скажи, все ли ты понял, и, может быть, ты добавишь какие-то добрые слова по-русски к своему английскому письму, чтобы я прочла их батюшке, – о том, что ты веришь в него и уверен, что он сможет помочь мне, если Господь благоволит послать испытания. Понимаешь, я смотрю на вас с Аликс как на своих брата и сестру, а он – как на государя и повелителя, и я чувствую, что его мучают тем, что ты якобы раздосадован моим поведением и считаешь, что он толкает меня на разрыв со всеми вами и заставляет губить себя аскетической жизнью и непомерной работой, тогда как все это неправда. Он исповедует меня, окормляет меня в церкви, оказывает мне огромную помощь и подает пример своей чистой, простой жизнью – такой скромной и высокой в его безграничной любви к Богу и Православной Церкви. Поговорив с ним лишь несколько минут, видишь, что это скромный, чистый, Божий человек, Божий слуга в нашей Церкви. Он никогда не соприкасался с высшим светом и только теперь столкнулся со многими странными слабостями, страстью во все вмешиваться и т.п.

Теплое слово одобрения от тебя, его обожаемого государя, развеет все скорби – и ведь он в самом деле заслуживает этих слов».

Однако это письмо не убедило императора Николая II и его супругу, что великая княгиня сделала правильный выбор и не находится в прелести, что чрезвычайно ее огорчило. Желая развеять домыслы и заблуждения, она снова написала императору, стараясь ответить на все его недоумения. «Ты пишешь о духе прелести, в которую, увы, можно впасть и о которой мы часто разговаривали с Сержем. <...> По характеру я слишком спокойный человек, – писала она, – чтобы меня могло увести в этом направлении, но все-таки всегда надо быть настороже, ведь лукавый подкрадывается, когда меньше всего ждешь.

Еще одна вещь, о которой ты пишешь и которую я, должно быть, плохо объяснила или ты не совсем понял: „Ты сама собою правишь, не под влиянием священника“. Я хотела сказать, что не под влиянием священника решила жить так, как теперь живу, ведь я поговорила с ним, уже хорошо все обдумав. Люди не верят, что я сама, без какого-либо влияния извне, решила на этот шаг; многим кажется, что я взяла неподъемный крест и либо когда-нибудь пожалею об этом и сброшу его, либо рухну под его тяжестью. Я же приняла это не как крест, а как дорогу, полную света, которую указал мне Господь после смерти Сержа и которая много-много лет назад забрезжила в моей душе. <...>

Ты не можешь согласиться с такими „большими переходами в жизни“, но пойми – для меня это никакой не переход, это мало-помалу росло, а теперь обрело форму. Очень многие из тех, кто знал меня всю жизнь и хорошо знает сейчас, вовсе не удивились, а сочли это лишь продолжением того, что началось раньше, и я сама поняла это так. Я была поражена, когда разразилась целая буря:

меня пытались удержать, запугать трудностями, и все это с такой любовью и добротой – и с полным непониманием моего характера. Ты пишешь: „Все-таки нахожу, что ты еще больше могла бы делать добра в прежнем положении“. Не могу сказать, прав ли ты, а я заблуждаюсь, – жизнь и время покажут. И, конечно же, я недостойна той безмерной радости, какую мне дает Господь – трудиться на этой стезе, но я буду стараться, и Он, Кто есть одна любовь, простит мои ошибки, ведь Он видит, как я хочу служить

Ему и [тому, что] Его. В моей жизни было столько радости, в скорби – столько безграничного утешения, что я жажду хоть немного уделить другим. <...>

И еще, ты пишешь: „Нужно быть под руководством..“ Как это верно и справедливо. До сих пор, к сожалению, я не встречалась с „опытным старцем“, но весной, еще до твоего письма, решила побывать у него. Он служит неподалеку от Троице-Сергиевой лавры, в Зосимовой пустыни. Зовут его Алексей, он выходит только по субботам и воскресеньям – исповедовать. Отец Митрофан ездит к нему как к духовнику и пользуется его советами, и там бывает уйма паломников. Он чудесный, настоящий святой, но, увы, боюсь, скоро совсем перестанет принимать. Наш батюшка, до того как поступить в мою обитель, говорил с ним и с другими старцами – ведь он и раньше всегда окормлялся у старцев, – и они все благословили его взяться за это дело, хотя он по молодости и боялся. Так что видишь, Господь благословил наше дело через священника, к которому в Орел издали приезжали за утешением и поддержкой, и вот оно мало-помалу начинается. Я нахожу для себя огромную и трогательную поддержку в лице трех игуменов^а: они считают меня своей, руководят мной, что мне очень помогает. Кроме того, митрополиты Трифон и Анастасий^б теперь мои наставники, я у них бываю, и они со мной подолгу беседуют. Еще у меня есть светские сотрудники, к чьим советам я прибегаю, так что, пожалуйста, не думай, будто я воображаю, что все могу делать и решать одна. Я сперва обдумываю и обсуждаю и уж потом как начальница принимаю решение, веря, что Господь меня вразумит. <...>

Очень боюсь, ты подумаешь, что я гордая, самодовольная и чуть не лопаюсь от сознания, будто делаю нечто великое. О, если бы ты меня лучше знал... Я знаю, Аликс воображает, что я позволяю называть меня святой – она так сказала моей графине О[лсуфьевой]. Я – подумать только! Да что я такое? Ничем не лучше, а то и хуже других. Если кто-то говорит глупости и преувеличивает, чем я виновата? Ведь в лицо мне этого не говорят – знают, что я ненавижу лесть как опасный яд. Я ничего не могу поделать с тем, что меня любят, но ведь и я люблю людей, и они это чувствуют. Я делаю для них что могу и в ответ получаю благодарность, хотя и не должно на это рассчитывать. Ни одной минуты я не думаю, что совершаю подвиг, – это радость, я не вижу и не чувствую скорбей по безмерной милости Божией, которую я и всегда ощущала. Я жажду отблагодарить Его.

Те несколько сестер, что живут у меня, хорошие девушки, очень верующие – но ведь и все наше служение основано на вере и живет ею. Батюшка их наставляет, три раза в неделю у нас бывают замечательные лекции, на которые приходят и гости. На утреннем правиле батюшка читает из Евангелия и говорит краткую проповедь и т.д. Я опекаю их, мы разговариваем. Едят они без меня – кроме как в праздники, на Пасху, может, чаще. Чай пьем все вместе, и священник с матушкой тоже, разговор бывает о духовном... Потом у нас будет большая трапезная, как в монастырях, с чтением житий, а я как настоятельница буду

^а В частности, игумены Герман (Гомзин) и Гавриил (Зырянов).

^б Имеются в виду епископы Трифон (Туркестанов) и Анастасий (Грибановский).

иногда выходить и смотреть, чтоб все было по моему установлению. В нашей жизни очень много от монастыря, я нахожу это необходимым. <...>

Ну, а свои старые обязанности я тоже не оставляю – комитеты и все мои прежние дела остались. Это всегда было на мне, и только со смертью Сержа приемы, ужины и т.п. кончились и никогда больше не возобновятся. <...>

Прости мое немыслимо длинное письмо, пожалуйста, прочти его вместе с Аликс, и если вы еще что-нибудь захотите узнать или найдете, что я в чем-то заблуждаюсь, буду очень признательна за советы или замечания. Простите меня оба. Увы, я знаю и чувствую, что огорчаю вас, и, может быть, вы не совсем меня понимаете, пожалуйста, простите и потерпите меня. Простите мои ошибки, простите, что живу не так, как вам, может статься, хотелось бы, простите, что не смогу часто приезжать из-за своих теперешних обязанностей. Просто от доброго сердца простите и от всей христианской души помолитесь обо мне и моем деле».

9 и 10 апреля 1910 года в больничном храме Марфо-Мариинской обители сестры давали обеты в соответствии с уставом. Всенощную 9 апреля служил епископ Трифон (Туркестанов), литургию на следующий день – митрополит Московский Владимир вместе с епископом Трифоном. Обеты давали великая княгиня Елизавета, казначея обители Валентина Гордеева и пятнадцать сестер, прошедших испытания в течение года. Во время всенощной «духовник обители протоиерей Митрофан Сребрянский, осенив святым крестом сестер, подвел их к епископу, который благословил их и прочитал молитву о ниспослании сестрам благодати небесной к достойному прохождению многотрудного служения Богу и ближним. <...> Затем со словом назидания епископ возложил на каждую сестру крест, покрывало и вручил четки. Крест кипарисовый восьмиконечный, на белой ленте; на лицевой стороне его вырезано изображение Спаса Нерукотворного и Богоматери с омофором, на другой – святых жен Марфы и Марии и слова Евангелия: „Возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всей души твоя и ближнего своего, яко сам себе“ (Лк. 10, 27)». По прочтении первого часа епископ Трифон приветствовал давших обет сестер, а на духовника возложил данный ему великой княгиней духовнический крест, возложив крест и на его супругу Ольгу, подвизавшуюся в монастыре в качестве церковной старосты.

На следующий день во время литургии митрополит Владимир возвел великую княгиню в настоятельницы обители, возложив на нее настоятельский крест.

На этот момент в обители было более сорока сестер, два храма, больница для бедных женщин, дом для чахоточных женщин, небольшой лазарет на 50 кроватей для воинов, амбулатория с возможностью принимать ежедневно пятьдесят больных, снабжая их бесплатно лекарствами, две странноприимницы, трудовой приют на восемнадцать девочек и библиотека, состоявшая из 2 000 томов, бесплатно выдававшая книги всем желающим. В 1910 году в убежище для чахоточных женщин находилось на излечении шестьдесят пять больных, выписалось тридцать пять, умерло шестнадцать, и к 1 января 1911 года осталось на излечении четырнадцать человек.

24 ноября 1910 года устав Марфо-Мариинской обители по просьбе Елизаветы Федоровны был подан митрополитом Московским Владимиром на утверждение Святейшего Синода. После его изучения выяснилось, что устав находится в некотором противоречии со статьями Российского законодательства, а также не имеет отзыва Министерства внутренних дел, которому отсылаются подобные уставы на предварительное рассмотрение. 11 декабря обер-прокурор

Святейшего Синода Лукьянов направил устав на отзыв в Министерство внутренних дел, откуда 13 декабря получил ответ, что нет препятствий для учреждения Марфо-Мариинской Обители милосердия.

Несмотря на это, устав не был после этого утвержден, и обеспокоенная великая княгиня 11 марта 1911 года направила обер-прокурору Святейшего Синода письмо, прося оказать «доброе содействие к скорейшему утверждению его». Письмо было получено обер-прокурором 14 марта и на следующий день представлено первоприсутствующему члену Святейшего Синода митрополиту Санкт-Петербургскому Антонию. 16 марта Синод утвердил устав, но с внесением в него некоторых изменений, а что «касается ходатайства о присвоении сестрам названной обители наименования диаконисс, то о сем суждение иметь особо». 1 апреля император утвердил определение Синода.

Как и многие православные люди, Елизавета Федоровна любила паломничества по святым местам, рождавшие глубокие религиозные переживания и укреплявшие веру. В 1888 году она совершила паломничество во Святую Землю, в 1892 году – в Ярославскую епархию, Можайск и Бородино, четырежды – в 1903, 1908, 1915 и 1916 годах – посетила Саров и в 1908 и 1916 годах – Дивеево, дважды побывала в Уфимской епархии (в 1910 и 1914 годах) и в Казани (в 1910 и 1913 годах). В 1911 году она присутствовала на торжествах, связанных с канонизацией святителя Иоасафа в Белгороде, в 1912 году совершила паломничества ко святыням Павло-Обнорского монастыря, Киева и Почаева, в 1913 году – в Архангельск и Спасо-Преображенский Соловецкий монастырь, в 1914 году – ко святыням Пермской и Екатеринбургской епархий, в 1913 и 1916 годах – в Кострому, в 1914 и 1915 годах она совершила паломничество в Оптину пустынь. В 1915 году Елизавета Федоровна посетила Воронеж по делам Комитета по оказанию помощи семействам воинов, призванных из запаса в действующую армию, председателем которого она была. Здесь она посетила Благовещенский Митрофанов монастырь, усыпальницу, где покоились останки архиепископа Воронежского Антония^а, и находящиеся в монастырской ограде госпитали – епархиальный и монастырский. В первом было восемьдесят пять больных и раненых воинов, во втором – двадцать пять. Елизавета Федоровна побеседовала с каждым из раненых, расспрашивая, где они родились, в каких частях служили, в каких боях получили ранения, о том, как идет выздоровление; затем сама надела на каждого серебряный позолоченный образок Божией Матери и вручила Евангелие на русском языке, в которое были вложены открытки с разными видами для писем, воинам-мусульманам она раздала книжечки с выдержками из алкорана. В 1916 году она посетила Орел.

С 10 по 12 июня 1909 года Елизавета Федоровна принимала участие в торжествах по случаю восстановления почитания святой благоверной княгини Анны Кашинской, явившись представителем от всей императорской фамилии, поскольку другие по разным причинам не смогли быть в это время в Кашине, о чем она сама весьма сожалела.

«Я пишу потому, что слишком взволнована, чтобы говорить, – писала она императору по этому поводу. – Ведь ты знаешь, я всеми своими фибрами русская и ощущаю себя твоей подданной, как и все прочие. Живя в Москве, видя и слыша то, что приходится видеть и слышать каждый день, вступаешь в эту дорогую землю и хочешь работать ради нее и тех, кто живет на ней.

^а Святитель Антоний (в миру Авраамий Гаврилович Смирницкий); память 20 декабря / 2 января

Хочу сказать о Кашине: это было совершенное повторение Сарова. Постоянно мои молитвы и мысли были рядом с вами. Все наполняла та молитвенная атмосфера, что так поразила нас тогда и что снова и снова возводит человека к Богу. Как я уже говорила, паломники прибывают и прибывают, и все молятся за тебя и благодарят за даровой чай и сахар, все приятно поражены безупречным порядком и удобным доступом к мощам. Несчастные заблудшие люди, которые, увы, всегда найдутся, пытались взбудоражить крестьян, говоря, будто за проход к мощам придется платить, чая не будет и полиция не даст шагу ступить. А теперь народ увидел своими глазами – и это разошлось дальше, – что слухи были ложными, и пошел с еще большим рвением, с радостью и благодарностью, на какую способны одни русские крестьяне. Сколько молитв вознеслось там за тебя! И в каждом знаке внимания ко мне я ясно видела и слышала, что это предназначалось тебе, и я так хотела, чтобы вы с Аликс и кто-нибудь из детей были здесь!»

В 1911 году великая княгиня была приглашена архиепископом Волынским Антонием (Храповицким) на освящение Васильевского храма в Овруче, в восстановлении которого принимал участие архитектор Алексей Викторович Щусев. Она еще колебалась, согласиться ли на приглашение, когда случилось происшествие, сразу разрешившее ее сомнения и реакция на которое до некоторой степени характеризует саму великую княгиню. «Наступали так называемые Овручские торжества, – вспоминал художник Михаил Васильевич Нестеров. – В присутствии государя предстояло освящение древнего храма, реставрированного Щусевым. На торжество должна была поехать и великая княгиня.

Как-то она была в церкви, о чем-то говорила со мной, как явился прямо из Овруча Щусев. Стали говорить о предстоящих торжествах. Щусев осведомился, предполагает ли великая княгиня быть на них. Она отвечала, что еще не решила. Она слышала, что наплыв паломников будет так велик, что не хватит для всех помещения. „Ну, Ваше Высочество, вы только скажите – мы выгоним монахов из их келий и устроим вас шикарно“. <...> Но не успел <...> Алексей Викторович <...> окончить этих слов, как щеки великой княгини стали алыми, глаза сверкнули... Она, постоянно сдержанная, ласковая, резко сказала, что если еще колебалась, ехать или не ехать, то сейчас колебаний нет. В Овруче она не будет. Она не хочет, чтобы ради нее выгоняли кого-либо из келий, что комфорт она знает с детства, жизнь во дворцах знает.

<...> Она не могла скрыть своего возмущения. <...> В Овруч великая княгиня тогда не поехала...»

В октябре 1910 года Елизавета Федоровна в последний раз побывала на родине в Германии, в Дармштадте, на открытии усыпальницы родителей. По окончании торжеств она, по воспоминаниям М. В. Нестерова, пожелала увидеть некоторых из выдающихся немецких профессоров, которые когда-то посещали дом ее родителей и в ее памяти сохранились как выдающиеся деятели культуры и носители высоких христианских идеалов. Она не могла поверить в то, что теперь услышала от них. Вместо высоких идеалов и призывов к мирному устройению человеческого общества она услышала проповедников «милитаризма, завоевательной системы во что бы то ни стало. Они не понимали друг друга и русской великой княгине были не нужны, непонятны, нелюбезны. Встреча эта была одна из самых тяжелых».

7 ноября 1911 года митрополит Московский Владимир представил в Святейший Синод ходатайство «о присвоении сестрам Марфо-Мариинской

Обители милосердия в городе Москве именованию диаконисс».

Устав Марфо-Мариинской обители был уже утвержден, но вызвал горячее обсуждение вопрос, можно ли именоваться сестрам диакониссами, то есть именоваться по чину, существовавшему в IV—VII веках, без восстановления самого чина. Семь архиереев, присутствовавших на заседании Святейшего Синода, выступили за наименование старших сестер Марфо-Мариинской обители диакониссами, однако с тем, чтобы вопрос о восстановлении «в Российской Церкви диаконисского служения в полном его древнем объеме... признать подлежащим разрешению на предстоящем Поместном Соборе Российской Церкви».

Епископ Саратовский Гермоген (Долганев)^a, ревнуя о канонической чистоте, выступил с особым мнением, упрекая устроительницу Марфо-Мариинской обители в подражании протестантизму; как показала история, все попытки формального восстановления древних форм чаще всего приводят к созданию нового, весьма отличного и от настоящего, и от древнего: в прошлое невозможно вернуться и «новое старое» чаще всего служит всего лишь инструментом для разрушения настоящего.

На том же заседании Святейшего Синода митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский) также выступил с особым мнением, согласным с мнением епископа Гермогена. Он писал: «Пока не восстановлен чин диаконисс в древнем его значении, сестрам Марфо-Мариинской обители не может быть усвоено наименование диаконисс, в чине коих они не состоят».

19 декабря обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер подал на утверждение императору Николаю доклад с изложением позиций обеих сторон^b.

1 января 1912 года император, рассмотрев предложения Синода, написал: «Всецело разделяю особое мнение митрополита Петербургского Антония». На заседании 10 января 1912 года Святейший Синод постановил: сообщить резолюцию императора митрополиту Владимиру к исполнению. И таким образом наименование диакониссы принято не было.

В 1912 году издатель «Религиозно-философской библиотеки» Михаил Новоселов^b опубликовал брошюру «Григорий Распутин и мистическое распутство». Тираж брошюры был конфискован, но ее содержание стало широко известно. Анна Вырубова, фрейлина и близкий друг императрицы, обвинила великую княгиню в интригах против Распутина и в том, что та принимает деятельное участие в движении, направленном против Распутина. Эти обвинения достигли слуха императорской семьи.

Елизавета Федоровна была возмущена обвинениями в интриганстве и в феврале 1912 года написала императору: «Прошло две недели – и ни единого слова от тебя в знак прежней братской привязанности после того, как ты обвинил меня в том, чего я не делала! <...> Твои обвинения были так жестки, так не похожи на тебя!! И ведь я всегда была предана тебе, всегда говорила тебе против Г[ригория] открыто! Со всех концов России в моих поездках да и здесь люди идут ко мне со своей болью – это правда; ведь я твоя сестра – „вы должны открыть им глаза...“. И все это я несла тебе, так как видела в этом свой долг, а еще потому, что была на грани срыва от страха за твое благополучие».

«Впервые я узнала об этой книжке, когда неожиданно встретила автора на

^a Священномученик Гермоген (в миру Георгий Ефремович Долганев), епископ Тобольский и Сибирский; память 16/29 июня.

^b Мученик Михаил Новоселов; память 8/21 января.

следующий день после ее конфискации и он рассказал мне обо всем, – писала она императору 4 февраля 1912 года. – Я вижу с ним два-три раза в год; он автор многих интересных духовных брошюр и пылкий труженик на благо нашей Церкви, против тех сомнительных личностей, кто своей жизнью и учением приносит вред, – вот почему он и написал об этом. Вероятно, зная, что я интересуюсь этими вопросами, он возымел намерение послать мне книжку; но когда спросил меня, хочу ли я этого, я отказалась. Я поступила так, предвидя именно те резоны, что ты привел в своем письме. <...>

Первый раз два года назад я прочла здесь в газетах о [Распутине]. Я была в ужасе – боялась, если узнают, что ты принимал этого человека, на тебя будет брошена черная тень, и когда услышала, что у статьи будет продолжение, то конфиденциально просила автора не печатать его.

Теперь в Петербурге все вышло наружу <...> и стало достоянием свободной прессы; я не могу больше препятствовать людям писать о чем им хочется. Сейчас везде и всюду пытаются выяснить, кто это и почему об обычном человеке запрещено писать в газетах, – ведь если он пожелает защитить свою честь, он может это сделать с помощью закона и Церкви. <...>

Увы! О Боже! То, чего я боялась, в страшной тревоге наблюдая, как мало-помалу оно приближается, произошло. О мои дорогие, вспомните, как давно я предупреждала вас со слезами любви и страха – и теперь, через Эрни. Я ясно видела то, что надвигалось, разные люди со всех концов страны просили предупредить тебя, что это человек, который вел несколько жизней, так говорят те, с кем он соприкасался, и что ты никогда не увидишь глубин его души, он будет прятать от тебя ту сторону, что покажется кошмаром каждому честному подданному».

Все эти скорбные события и переживания перемежались с радостными. 8 апреля 1912 года состоялось знаменательное для Елизаветы Федоровны и для всех сестер событие – освящение митрополитом Московским Владимиром вновь построенного в обители храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Среди приглашенных были депутации от Черниговского драгунского и Киевского гренадерского полков, шефом которых была великая княгиня.

Впечатление от нового храма было описано протоиереем Митрофаном Сребрянским. «Как ясно здесь выражена древнерусская мысль: не разбрасываться, – писал он. – Да, древняя Русь не рассеивалась: ее все думы, вся любовь были сосредоточены только вокруг Господа Христа, пришедшего в двух естествах от Святой Девы для вечного спасения.

Вера и любовь ко Христу, самая нежная любовь к Богоматери с дерзновенной надеждой на Ее ходатайство пред Сыном за немощи и грехи людей – вот чувства, которые наполняли все существо древнерусского человека. Они проникали во всю его личную внутреннюю жизнь: они были центром воспитания и жизни его семьи; они же были основанием и общественного его служения. Так думали и так любили все русские люди от царя и патриарха до самого последнего простеца. Этим жива была Русь и звалась по праву святая, имея от Христа и Его Пречистой Матери благословение и помощь, с которыми все пережила и все победила.

О, какой вздох сокрушения вырывается из груди русского человека XX века при этих воспоминаниях и при виде того, как в бегстве от Христа теперь так много гибнет русских людей, так колеблется Россия. Как хочется крикнуть: „Соберись, Русь, снова ко Христу и Его Пречистой Матери. К Ним устреми свои думы и

желания. Их светом просвети себя. Их любовью согрей себя. Их законом укрепи себя в жизни и деятельности“. И снова засияет Русь тогда, снова станет христоролюбивой, победоносной, святой. <...> Да, архитектура, скульптура, орнаментовка, картины, иконы, утварь – все вместе совершенно захватывает душу, отрывая ее от житейской суеты, уныния и скорби и властно влечет к Господу, взяться за Его всеильную руку и шествовать вместе с Богоматерью, святыми и всеми людьми в вечный рай Христа со святым упованием на помощь благодати Господней, которая всегда была, есть и будет с русским народом. Слава Богу, помогшему заложить и окончить сей дивный храм благодати небесной».

В 1913 году семья императора совершила ряд поездок, связанных с празднованием 300-летия дома Романовых, часть поездок великая княгиня совершила вместе с ними, а 26 мая с удовольствием принимала их у себя в Марфо-Мариинской обители.

После нескольких лет существования обители потребовались некоторые изменения в ее уставе, и настоятельница просила митрополита Владимира внести на рассмотрение Святейшего Синода новый проект, который и был подан митрополитом 6 января 1914 года. Изменения касались порядка приема в обитель, устройства вне Москвы скита, «куда потрудившиеся сестры по желанию и с согласия Совета обители могут удаляться и, постригшись в мантии, провести последние годы своей жизни в молитве и исключительном служении Богу». Кроме того, предполагалось, что обитель может претендовать на право бесплатно пересылать почтовую корреспонденцию. Однако последний пункт оказался на практике трудноосуществимым, так как он был связан с обязательным государственным финансированием, и, чтобы не затягивать время для принятия устава, настоятельница отказалась от него. 27 марта 1914 года новый устав Марфо-Мариинской обители был одобрен Синодом, а 2 апреля – императором. В новом уставе основная цель обители по-прежнему была сходна с целями благотворительных сестричеств – это служение «страждущим, больным и неимущим», а испытываемые сестры, «если того потребуют семейные обстоятельства», могли «оставить Обитель милосердия и вернуться к прежней своей жизни».

После принятия устава Елизавета Федоровна решила подвести итоги своей жизни и на случай смерти составила духовное завещание, заверенное свидетелями и утвержденное 25 апреля 1914 года императором. 29 июня завещание поступило министру императорского двора генерал-адъютанту графу Фредериксу, распорядившемуся хранить его до востребования.

В своем завещании настоятельница писала: «Мое недвижимое имущество в Москве и часть моего капитала образовались следующим образом: а) я продала мои личные драгоценные вещи (кроме тех, кои я уже раздала родным в России и за границей), за которые я получила до 290 324 рублей; сверх того я продала через брата моего и лично вещей на сумму ближе [к] тридцати тысяч[ам] рублей и б) согласно Высочайшему разрешению, изложенному в письме министра императорского двора от 28 мая 1905 года <...>, я вложила капитал, полученный от продажи имения Веры Николаевны Родзянко [в] Полтавской губернии близ города Хорола, завещанного ею моему покойному мужу, на дела благотворения. Ввиду того, что моя Марфо-Мариинская обитель предназначена исключительно для благотворения, я употребила эти деньги на мою обитель; этот капитал числился по книгам конторы моего двора на 27 июля 1907 года в сумме 125 059

р[ублей] 96 к[опеек]. На вышеозначенные <...> деньги я купила три имущества <...> в Москве за 368 000 рублей, построила церковь и помещения и оставляю еще капитал. <...>

В случае недостатка средств обитель должна употребить все усилия, чтобы изыскать новые средства на поддержание учреждений обители. Если пожертвования не будут поступать в достаточном количестве, то обитель должна, по возможности, сократить размеры своих учреждений и расход на содержание их, соразмеряя с доходами обители. Во всяком случае, я ставлю в неперемное условие обители: а) содержать церковь обители с причтом, б) содержать скит при обители, если таковой мною будет при жизни устроен, в) содержать пожизненно: настоятеля церкви обители отца Митрофана Сребрянского, его жену, диакона церкви обители Михаила Сытника и сестер обители, главным образом тех, которые останутся в обители ко дню моей кончины. <...>

Цель моей жизни – окончательно устроить обитель милосердия и скит при ней, а затем собственными деньгами накапливать капитал, чтобы содержать мою обитель на тот случай, если доброхотные пожертвования не будут для сего достаточны. <...>

Весь капитал, суммы и вещи, до сего переданные и могущие быть и впредь переданными мною или конторою моего двора при жизни моей в Марфо-Мариинскую Обитель милосердия, должны оставаться в пользу этой обители. Всякое движимое и недвижимое имущество, а также процентные бумаги и деньги, которые могут быть пожертвованы или завещаны на мое имя, оставляю после моей смерти в пользу моей Марфо-Мариинской Обители милосердия в Москве. <...>

Прошу меня похоронить в склепе под ныне построенной мною церковью во имя Покрова Пресвятой Богородицы в моем владении на Большой Ордынке в Москве при моей обители милосердия на месте, указанном мною для настоятельниц обители, опустив мой гроб в самый низ, в землю. Прошу похоронить меня в белой одежде настоятельницы обители; в случае если я буду пострижена и жить в скиту и там умру, то похоронить меня все-таки в моей обители в Москве на указанном выше месте, но в монашеской одежде. Прежде чем хоронить меня, прошу вполне удостовериться в действительности наступившей смерти (ввиду могущей быть летаргии). После моей кончины прошу меня не бальзамировать, а только заморозить и положить в простой деревянный гроб. Омовение тела прошу поручить сестрам моей Марфо-Мариинской Обители милосердия. После положения в гроб прошу лицо мое, если возможно, иметь закрытым простой густой кисеей. В случае если умру за границей или вне Москвы, прошу положить в гроб, закрыть его совсем, перевезти в Москву и похоронить (не открывая гроба) там, где мною выше сего указано. Отпевание совершить там, где я скончаюсь. Прошу моих душеприказчиков предупредить всех, что я очень прошу не возлагать венков на мой гроб и на мою могилу; лучше, если предназначенные на покупку венков деньги будут пожертвованы в мою обитель милосердия. Если все-таки венки окажутся, прошу металлические раздать в приюты, а серебряные обратить в слитки, из коих сделать ризы на образа, церковные сосуды с надписями лиц и учреждений, возложивших эти венки, и передать их в церковь моей обители или в скит при моей обители...»

К 1914 году широко развернулась благотворительная деятельность Елизаветы Федоровны и сестер обители. Они «шли в самые ужасные трущобы, – вспоминала Наталья Сергеевна Балужева-Арсеньева, – где иногда целые семейства

ютились в одной комнате; обмывали, обшивали и кормили голодных или полуголодных детей, ухаживали за роженицами, чистили жилище, готовили теплую пищу. Особенное внимание великая княгиня обратила на детей, живших в ночлежных домах знаменитого Хитрова рынка, на сирот и беспризорных. Она устроила общежитие для мальчиков, где их нравственно и физически лечили и воспитывали; над другими детьми, остававшимися в своих жилищах, был установлен внимательный надзор. Из этих мальчиков составлялась артель посыльных, которая скоро стала известна всей Москве своей честностью и исполнительностью. По инициативе великой княгини были устроены также дешевые квартиры и комнаты для фабричных рабочих и для нуждавшихся учащихся; часто эти помещения предоставлялись бесплатно. Для неизлечимых туберкулезных женщин, которых больницы не могли держать, как хронических, великой княгиней был устроен уютный дом с большим садом, где больные могли жить в покое и комфорте, пользуясь хорошим уходом. Бывали случаи, что больные выздоравливали и могли снова работать. Великая княгиня посещала этот приют два раза в неделю, принося с собой мир, любовь и утешение; безнадежных больных она напутствовала перед кончиной, молилась с ними и ободряла. Больные часто поручали ей своих близких и умирали спокойно, получив обещание, что великая княгиня не оставит их своей заботой. Это свое обещание она неизменно исполняла».

«Крупные московские больницы, – вспоминала графиня Александра Андреевна Олсуфьева, – вскоре признали, что маленький обительский лазарет на пятнадцать человек превосходит их в уходе за пациентами, и стали направлять туда безнадежных больных. Помню кухарку из небогатого дома, которая получила ожоги, опрокинув керосинку; площадь ожогов была слишком велика – кожа уцелела лишь на ладонях и ступнях, и врачебная наука не могла ей помочь. У несчастной уже началась гангрена, когда ее доставили из городской больницы. Великая княгиня сама делала перевязки; они были чрезвычайно болезненны – приходилось ежеминутно прерываться, чтобы успокоить и утешить пациентку, – и продолжались по два с половиной часа дважды в день. <...> Она упорно продолжала лечение до тех пор, пока, к изумлению докторов, отказавшихся от больной, та не поправилась.

Великой княгиней восхищались все хирурги, обращавшиеся к ней за помощью в проведении сложных операций. Она ассистировала с удивительным самообладанием и вниманием, мгновенно выполняя каждую просьбу врача. Сумев преодолеть первое естественное отвращение, она ощущала лишь удовлетворение от того, что приносит пользу».

«В одной только Москве, – сообщалось в отчете о деятельности больницы Марфо-Мариинской Обители милосердия за 1910 год, – насчитывается до 100 тысяч семейств бедняков и до 40 тысяч детей, нуждающихся в общественном призрении. Чтобы видеть, насколько нужда велика в церковно-религиозной благотворительной деятельности, стоит только посмотреть на детей ночлежек, почти одичавших. Чему может научиться, например, девочка 9 лет, вот уже полтора года ночующая со своей матерью в бесплатном Морозовском ночлежном доме, куда стекаются до 1 500 человек ночевать со всех концов города? <...>

Поэтому это посещение сестер принимает само собой характер внутренней миссии, на какую сестры и посвятили себя, произнесши обеты служения Господу и Святой Церкви <...>.

Исходя из того взгляда, что обитель должна прийти на помощь прежде всего

к тем бедным, кои живут в районе ее, решено было начать <...> деятельность с Якиманского участка городского попечительства, обслуживающего район местонахождения обители. Пользуясь указанием попечительства, сестры обошли многие семьи, особенно нуждающихся. Выяснилось, что бедные жители этого района, особенно Бабьего городка, крайне нуждаются в горячей пище. В числе бедняков на первое место были поставлены семьи вдов, обремененных подчас малолетними детьми в пять и более человек. Их дневной заработок поломойством, стиркой белья и мелкими услугами ничтожен и непостоянен, семья же мешает им находить место постоянного заработка.

Рядом с ними поставлены семьи, отцы коих или спились и бросили семьи, или лишились заработка. Одиночные же бедняки принимаются во внимание только в случае их беспомощности, так как их состояние все же лучше, чем бедность семьи.

Непосредственное знакомство с беднотой тотчас же вызвало мысль об устройении бесплатной столовой, которая благодаря сочувствию городской управы, давшей бесплатно помещение и взявшей хлопоты на приспособление его, 5 ноября была уже открыта на Большой Ордынке в доме Ляминой. Все заведование приготовлением пищи и раздача ее ведется сестрами. До 1 января 1911 г[ода] было выдано всего 5 265 обедов, состоящих из супа или щей и каши или картофеля и хлеба. Обеды выдаются на дома, в столовой же питаются только немногие – проходящие. В числе получающих обеды состоят две школы – Бабьегородская и Николо-Пыжовская, коим выдается в день до 40 обедов. Число семейств, получающих обеды, дошло до 97. <...>

Наряду с бесплатной столовой <...> действовал приют для девочек, преимущественно взятых с Хитрова рынка. Нужда в приюте была вызвана желанием спасти девочек из ужасных условий жизни Хитрова рынка. Этот приют находится вне стен обители, на Пятницкой улице, имеет 19 девочек на полном содержании от обители и ведется сестрой, которая там и живет среди детей, руководит ими и учит грамотности».

Характеризуя личность Елизаветы Федоровны, архиепископ Анастасий (Грибановский) писал впоследствии: «Женственность соединялась в ней с мужеством характера; доброта не переходила в слабость и слепое безотчетное доверие к людям; дар рассуждения, который так высоко ставят христианские подвижники, присущ был ей во всем, даже в лучших порывах сердца. Быть может, этими особенностями своего характера она обязана была отчасти своему воспитанию, которое получила под руководством своей бабки по матери английской королевы Виктории. Английский отпечаток, несомненно, лежал на всех ее вкусах и привычках: английский язык был ей ближе родного немецкого. <...>

Сосредоточив свою деятельность вокруг обители, великая княгиня не порывала связи и с другими общественными организациями и учреждениями благотворительного или духовно-просветительного характера, с которыми была соединена тесными нравственными узами с первых лет своего пребывания в Москве. Едва ли не самое первое место среди них принадлежало Православному Палестинскому Обществу, столь близкому ей уже потому, что оно было вызвано к жизни глубоким православно-русским чувством к Святой Земле ее почившего супруга великого князя Сергея Александровича. Унаследовав от него председательство в этом Обществе, она подражала ему в святой ревности о Сионе и в неустанных заботах о русских паломниках, устремляющихся в Святую

Землю. <...> Ее ум везде был на высоте ее сердца, и в палестинском деле она проявляла не только любовь и усердие к Святой Земле, но и большую деловую осведомленность, создававшую такое впечатление, как будто она непосредственно руководила всеми учреждениями Общества. В последние годы перед войной ее глубоко занимала мысль о сооружении достойного русского имени подворья в Бари с храмом в честь святителя Николая. Проект и модель этого здания, разработанный Щусевым в древнерусском стиле, находился всегда у нее в приемной комнате».

В 1911 году протоиерей Иоанн Восторгов^а по поручению Елизаветы Федоровны выкупил от имени Императорского Православного Палестинского Общества участок земли в городе Бари. Храм был заложен 22 мая 1913 года и уже через год был построен вместе с гостиницей для паломников. В списке получающих из ее личных средств, выделенных на благотворительную деятельность, числились многие учреждения и частные лица⁷.

В августе 1914 года началась Первая мировая война. Великая княгиня с первых дней войны включилась в деятельную помощь раненым воинам и их семьям, а также семьям ушедших на войну. 11 августа 1914 года было утверждено Положение о Комитете Ее Императорского Высочества великой княгини Елизаветы Федоровны. «Отделения комитета помогали нуждающимся деньгами, жильем, продуктами, топливом; открывались мастерские, где жены солдат выполняли заказы на пошив белья и обмундирования; для детей, оставшихся без попечения, создавали приюты и ясли». Великой княгиней были организованы склады для вещей и медикаментов, комитеты по устройству богослужений и беседований для раненых и устройству передвижных церквей для лазаретов Москвы и действующей армии, по оказанию помощи раненым воинам в госпиталях. Благодаря ее деятельности было создано бюро для приискания заработка увечным воинам. По инициативе великой княгини в 1915 году в Москве было открыто Братское кладбище при храме Всех Святых, где хоронились убитые на фронте и скончавшиеся в госпиталях.

Весной 1915 года среди жителей Москвы стали проявляться антигерманские настроения, так как пленных вражеской армии в это время стали во все большем количестве доставлять и размещать в госпиталях Москвы, так что для раненых воинов Российской армии уже не оставалось мест. Некоторые все настойчивее стали обвинять в этом царскую семью и великую княгиню, как имевших немецкое происхождение.

«Пользуюсь поездкой Валентины в Петроград, чтобы послать тебе несколько строк по поводу тревожащего меня вопроса, – писала великая княгиня императору, – а именно: все военные госпитали заполняются военнопленными. У меня образовался Дамский комитет, во главе которого я поставила графиню Олсуфьеву, чтобы помогать в усовершенствовании военных лазаретов, ведь они, как тебе известно, сильно уступают Красному Кресту и частным лечебницам. И тем более когда мы узнали, что военнопленные получили небольшие подарки и т.п. от соотечественников, а наши нет, мои дамы стали помогать нашим, заботиться об удобстве раненых и т.д. Конечно, имея доброе сердце, они по возможности помогали и несчастным пленным, но их доброта была так дурно истолкована, и всё свалили на меня, будто я забочусь только о немцах. <...>

Так вот, когда военные госпитали оказались переполнены пленными, я

^а Священномученик Иоанн Восторгов; память 23 августа / 5 сентября.

временно закрыла мой комитет, оставив только те <лазареты>, где были наши отважные герои. Эти слухи обо мне не главное, о чем я хочу сообщить тебе; Москва – столичный город, и то, что пленные содержатся в самых лучших зданиях, занятых под военные нужды, вызывает очень нехорошее отношение. Нельзя ли больше не отправлять пленных в Москву? Люди приходят в ярость, видя, что в их прекрасных зданиях устраиваются лазареты, причем все восемнадцать лазаретов заняты пленными и только три – большой военный госпиталь, Вдовий дом и новая больница для душевнобольных – нашими. <...> Если ты приедешь и пожелаешь осмотреть военные госпитали, то найдешь одного-двух русских или, может, вовсе ни одного и сотни пленных! Москва – такой русский город, здесь этого не выносят, и я, должна сказать, вполне согласна: действительно, здесь это нехорошо. Может статься, я более русская, чем многие из русских, потому что не могу чувствовать себя космополиткой.

Я много работаю и чувствую себя превосходно. Сердцем и душой молитвенно со всеми вами и нашими отважными героями – храни их Господь!»

В конце мая 1915 года антигерманские настроения вылились уже в открытые погромы. «В это время разразилась история с холерными заболеваниями на Прохоровской Трехгорной мануфактуре. По Москве прошел гул: немцы отравляют холерными бактериями города. <...> 26 мая в 6 часов вечера начались беспорядки на Прохоровской мануфактуре. <...>

Движение разрасталось. Огромная волна толпы направилась к Цинделю (владелец ситценабивной мануфактуры). Начали появляться жертвы народного волнения... Неистовство толпы все росло. Пристав Диевский заявил: „Я видел толпу в революционные годы, но не видел такой ярости“. Толпа ворвалась в квартиру русской подданной, потомственной дворянки Бетти Энгельс, два сына которой состоят прапорщиками в русской армии и родня которой состоит из голландцев... Зверски были утоплены две женщины – Энгельс и Конкордия Янсен.

Наступило утро 28 мая. С 7 часов утра движение толпы опять началось и начались разгромы... В фармацевтическом отделении Феррейна <...> вожаки толпы нашли 5 пудов спирту, и толпа тут же распила его. Полиция начала принимать кое-какие меры, и первое из них было то, что всех немцев, стоявших во главе предприятий, под охраной полицейских стали отвозить в тюрьму.

Толпа, разбившись на огромные отряды, растекалась по всей Москве. Одна часть направилась к Брокару (на его фабрике производились самые популярные духи того времени „Персидская сирень“ и популярные сорта мыла – „Народное“, „Сельское“, „Национальное“). Местом сбора для толпы стали называть Красную площадь.

Раскинувшиеся по всей Москве многотысячные толпы рабочих начали громить предприятия. Попутно были случаи разгрома квартир, владельцы которых носили немецкие фамилии...

Между тем полиция продолжала принимать лишь самые поверхностные меры... В 2 часа дня огромная толпа манифестантов сконцентрировалась на Красной площади, и оттуда пошел волнами основной разгром. К 6–7 часам вечера стихийные разгромы дошли до своего апогея. <...>

Вначале был известный порядок в разгроме. Наводили справки, устанавливали принадлежность предприятий немцам и австрийцам. Не то стало, когда толпа добралась до вина. <...> К вечеру начались повсеместные пожары... В 9 часов вечера погром перекинулся на пригороды... При вечерних разгромах уже перестали разбирать, какое предприятие русское, какое немецкое».

От погрома в Москве «пострадало 475 торговых и промышленных предприятий, 207 квартир и домов. Пострадавшими оказались: 113 подданных вражеских держав; 489 русских с иностранными фамилиями и подданных союзных и нейтральных держав и даже 90 русских с русскими фамилиями. Убытки за три дня погрома определились в сумме около 40 миллионов рублей».

2 июня 1915 года скончался великий князь Константин Константинович, и Елизавета Федоровна выехала в Петроград на его похороны. «Москва встретила Елизавету Федоровну, возвращавшуюся с похорон великого князя <...>, камнями. Ее определенно ждали. Как только настоятельница Марфо-Мариинской обители села во встречавшую ее на Николаевском вокзале машину, в ветровое стекло полетели чуть ли не булыжники и посыпались ругательства. <...> Елизавета Федоровна не проронила за всю дорогу ни слова. Сидела со сцепленными зубами, мертвенно-бледная. Московский полицмейстер твердо советовал Елизавете Федоровне не выходить за ворота обители, а если и покидать ее, то под надежной охраной. Великая княгиня, оставлявшая без внимания подобные советы, на этот раз согласилась. Правда, не сразу. Прежде она обсудила это с московским митрополитом и с отцом Митрофаном».

В 1916 году злонамеренными людьми был пущен слух, что по поручению кайзера Вильгельма в Россию приехал герцог Гессенский Эрнст, чтобы склонить императора Николая II к заключению сепаратного мира, и что он скрывается у сестры в Марфо-Мариинской обители. «Хорошо организованная толпа собралась у ворот и потребовала впустить внутрь – проверить, „здесь ли шпион“. Под крики „Немку – долой!“ и „Выдавайте шпиона!“ толпа ринулась на приступ. Ворота оказались незапертыми. Прямо за ними стояла Елизавета Федоровна. Наступавшие опешили.

Елизавета Федоровна ровным голосом спросила, желают ли пришедшие говорить с ней. Вперед выступили зачинщики. На их вопросы относительно Эрнста Елизавета Федоровна ответила, что его не было и нет в обители и что они могут в этом убедиться, осмотрев все помещения. В эту минуту появился конный отряд полиции. Толпа рассеялась».

13 апреля 1916 года исполнилось 25 лет со времени присоединения великой княгини к Православной Церкви, этот день был отмечен в Марфо-Мариинской обители торжественным богослужением.

Император направил по этому случаю на ее имя официальный рескрипт, в котором писал: «<...> в течение двадцати пяти лет, повинувшись влечению великодушного своего сердца, Вы всецело посвятили себя благотворительной деятельности на пользу жаждущих и обездоленных в первопрестольной столице и Московской губернии. Множество местных учреждений и обществ, поставивших себе задачею просветительные цели, охрану детства, поддержку неимущих, уход за больными и оказание им врачебной помощи, а также нравственное возрождение впавших в пороки, воспользовались неутомимую Вашу помощью и любвеобильным участием в их человеколюбивых заботах. Немалое число их возникло по Вашему почину и украшено Вашим именем. Наряду с сим горячий отклик и сердечные попечения с Вашей стороны встречают в Москве общественные начинания, направленные к борьбе с народными бедствиями, вызванными прежними неурожаями или иными обстоятельствами как в последнюю кампанию на Дальнем Востоке, так и в нынешнюю великую войну».

На праздничной литургии в Марфо-Мариинской обители протоиерей Иоанн

Восторгов сказал в своем проникновенном слове о Елизавете Федоровне: «...Промыслу Божию угодно было поставить ее здесь в Москве в ближайшее общение с русской жизнью – и она почувствовала здесь всю захватывающую красу Православной Церкви, всю благодать, сообщаемую в Церкви, все бытие жизни русского народа. Здесь она окончательно осознала себя воистину православной, и радость этого глубокого душевного удовлетворения в ней оказалась столь глубокою, что православия нельзя теперь от нее взять, по собственному ее свидетельству, даже ценою мученической смерти. Сердце ее хотело выразить благодарность Церкви, ее возродившей. Она желала дать, по духу православия, какую-либо жертву Богу, в благодарность Ему за радость познания истины веры и жизни. Приспел час – и мучительным путем скорби, после столь ужасного несчастья, после потери убиенного супруга и насильственного разрушения своей семьи, она приходит к созданию новой великой семьи духовной в этой обители и здесь отдает себя в жертву Богу, в жертву Церкви, в жертву любви милующей и благодетельствующей».

Постоянной тревогой Елизаветы Федоровны в эти годы было слишком доверчивое, по ее мнению, отношение ее сестры-императрицы к религиозным обманщикам, таким как мсье Филипп и Распутин.

«Посылаю тебе трость (рыба, держащая птицу), – писала 14 июня 1915 года Александра Федоровна супругу, – присланную ему [Распутину] из Нового Афона для передачи тебе. Он сперва пользовался ею сам, а теперь посылает тебе как благословение. Было бы славно, если бы ты иногда пользовался ею; хорошо бы держать ее в твоём купе возле той, которой касался мсье Philippe...»

На следующий день императрица писала супругу, комментируя кадровые перемены в правительстве: «<...> Самарин^а вместо Саблера, которого лучше было бы не трогать, пока не найдется хорошая замена; разумеется, Самарин пойдет против нашего Друга и будет заступаться за епископов, которых мы не любим, – он такой ужасно московский и ограниченный. Да, милый, по поводу Самарина я не просто огорчена, я в отчаянии, он как раз из дурной, ханжеской клики Эллы, близкий друг Софьи Ив[ановны] Тютчевой. У меня есть серьезные основания не любить этого епископа Трифона, так как он всегда говорил и теперь говорит в армии против нашего Друга – теперь снова пойдут разговоры против нашего Друга, и все будет дурно. Я всем сердцем и душой надеюсь, что он не примет назначения – это означало бы влияние Эллы и беспокойство с утра до ночи. Он против нас, раз он против Григория, и такой ужасно узколобий, настоящий московский тип – голова без души».

В первых числах декабря 1916 года великая княгиня предприняла последнюю попытку открыть глаза императору и его супруге на личность Распутина.

Учитель царских детей Пьер Жильяр вспоминал: «Даже самые близкие друзья императрицы не раз пытались открыть ей глаза на истинную личность Распутина. Но все терпели поражение из-за ее абсолютной веры в него.

Однако в это трагическое время великая княгиня Елизавета Федоровна попыталась сделать последнее усилие, чтобы спасти свою сестру. Она приехала из Москвы с намерением провести несколько дней в Царском Селе с родными, которых так горячо любила. Она была старше сестры на девять лет и питала к ней почти материнскую нежность. <...> Она и раньше часто пыталась открыть сестре

^а А.Д. Самарин, московский губернский предводитель дворянства, в июле – сентябре 1915 г. – обер-прокурор Святейшего Синода, сменивший на этом посту В.К. Саблера.

глаза, но все напрасно! Она все же надеялась, что на этот раз Бог даст ей такую силу убеждения, какой ей до тех пор не хватало, и поможет ей отвратить ужасную катастрофу, неизбежность которой она предчувствовала.

Как только она приехала в Царское Село, она поговорила с императрицей, со всей любовью к ней стараясь убедить ее в ее слепоте и умоляя выслушать ее предостережения ради спасения семьи и страны.

Но доверие императрицы Распутину было непоколебимо. Она понимала чувства, толкнувшие ее сестру на этот шаг, но была страшно огорчена, увидев, что она верит клевете тех, кто желает погубить старца, и просила сестру более никогда не касаться этого предмета. Но так как великая княгиня стояла на своем, императрица оборвала ее. Встреча была безрезультатной.

Через несколько часов великая княгиня отбыла в Москву со свинцом на душе. Императрица и ее дочери провожали ее на станцию. Сестры расстались. Нежная привязанность, связывавшая их с детства, сохранялась, но они понимали, что между ними что-то порвалось».

Впоследствии, давая показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, Елизавета Федоровна сказала: «В декабре 1916 года у меня был последний, решительный разговор с царем и царицей о Распутине. Я указала, что Распутин истерзал общество, скомпрометировал императорскую семью и ведет династию к гибели. Они ответили, что Распутин великий молитвенник, что все слухи о нем – сплетни, и попросили меня более не касаться этого предмета».

Это была последняя встреча Елизаветы Федоровны с сестрой. К этому времени группа высокопоставленных лиц, присвоившая себе роль судей, приговорила Распутину к смерти. Не все могли решиться на роль исполнителей приговора, но многие одобряли и сочувствовали убийству Распутина, в душе своей неоднократно пожелав ему смерти. Нравственная атмосфера в обществе была такова, что ни один человек, с кем советовались тогда заговорщики, – включая высокопоставленных князей и государственных деятелей, – не высказал религиозного, нравственного и правового осуждения планов этого убийства, при котором закон подменялся тайным судом группы лиц, стоявшей по существу на той же позиции, что и революционные террористы, оправдывавшие убийство идеей и ставившие тем самым под сомнение саму дееспособность государства. Помрачение в обществе было столь велико, что мало кто уже чувствовал, что нельзя служить Отечеству посредством незаконного убийства. Приговаривая к смерти Распутина, они приговаривали к смерти существовавшую тогда политическую систему и вместе с ней семью императора.

Перед тем как окончательно решиться на участие в заговоре, воспитанник великой княгини великий князь Дмитрий Павлович, как вспоминала впоследствии его сестра, нанес визит Елизавете Федоровне и говорил с ней до тех пор, пока не составил четкого представления о душевном состоянии императрицы и не убедился, что надеяться на мирный, благоприятный исход бесполезно. После встречи с императрицей великая княгиня Елизавета Федоровна посетила Юсуповых. От нее они услышали, что переговоры и все попытки образумить императрицу безрезультатны. Почти сразу же после этих встреч, 3 декабря, Елизавета Федоровна выехала в Саров. Заговорщики приступили к последнему этапу – подготовке к исполнению приговора.

В ночь с 16 на 17 декабря приговор был приведен в исполнение. В убийстве Распутина участвовали племянник Елизаветы Федоровны великий князь Дмитрий

Павлович, князь Феликс Юсупов, женатый на племяннице императора Николая II, Владимир Пуришкевич, землевладелец, депутат трех Государственных Дум и один из основателей партии «Союза русского народа», Сергей Сухотин, офицер русской армии в звании капитана, и Сергей Лазаверт, старший врач Красного Креста. Врач должен был заправить цианистым калием приготовленные для жертвы пирожные и насыпать яд в бокалы для вина.

Обманом заманив Распутина в особняк Юсупова, заговорщики сначала травили его ядом, затем Феликс Юсупов стрелял в него в упор из пистолета и душил его, схватившись с ним врукопашную, после чего Пуришкевич снова стрелял в Распутина и бил его по голове ногой, а затем в состоянии крайнего ожесточения Феликс Юсупов долго бил его тяжелой резиновой дубиной по голове, пока не был оттащен от почти уже бездыханного тела по приказу Пуришкевича солдатами. После всех этих зверств Распутина утопили в проруби, сбросив с Крестовского моста в Малую Невку.

Поздно вечером 17 декабря Елизавета Федоровна возвратилась в Москву и на следующий день отправила племяннику, великому князю Дмитрию Павловичу, сочувственную телеграмму: «Только что вернулась вчера поздно вечером, проведя неделю в Сарове и Дивееве, молясь за вас всех дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса после патриотического акта, им исполненного. Элла».

В тот же день она отправила телеграмму матери Феликса, Зинаиде Юсуповой, с которой была особенно дружна: «Все мои глубокие и горячие молитвы окружают вас всех за патриотический акт вашего дорогого сына. Да хранит вас Бог. Вернулась из Сарова и Дивеева, где провела в молитвах десять дней. Елизавета».

Телеграммы привлекли внимание императрицы, и Елизавету Федоровну стали обвинять в сообщничестве в убийстве. Наступило гнетущее молчание, когда все связи между великой княгиней и императорской семьей, казалось, полностью прервались.

Французский посол Морис Палеолог, имевший своих осведомителей в Петрограде и потому часто совершенно верное о многих событиях представление, собиравший все ходившие по городу слухи, в которых он хотел уловить оттенки общественного настроения, не нашедшего отражения в прессе, писал в дневнике: «<...> Народ, узнав третьего дня о смерти Распутина, торжествовал. Люди обнимались на улице, шли ставить свечи в Казанский собор.

Когда стало известно, что великий князь Дмитрий в числе убийц, толпой бросились ставить свечи перед иконой св[ятого] Дмитрия.

Убийство Григория – единственный предмет разговора в бесконечных очередях женщин, в дождь и ветер ожидающих у дверей мясных и бакалейных лавок распределения мяса, чая, сахара и проч. Они друг дружке рассказывают, что Распутин был брошен в Неву живым, и одобряют это пословицей: „Собаке собачья смерть“».

19 декабря тело Распутина было найдено полицией во льдах Малой Невки и на следующий день отвезено в Убежище ветеранов Чесмы, в пяти километрах от Петрограда, где было одето для погребения. На следующий день гроб в сопровождении сестры милосердия прибыл в Царское Село. Отпевание и погребение состоялось 21 декабря в узком кругу лиц императорской фамилии. Они провожали почитаемого ими человека в такой скорбной обстановке, будто сами уже находились в изгнании. «На грудь покойному положили новгородскую

икону, на обороте которой, в последний знак уважения, подписались императрица и ее дочери. Гроб был зарыт <...> в углу дворцового парка, и пока его опускали, отец Александр – священник императорской церкви – прочитал краткую молитву».

В тот же день император записал в дневнике: «В 9 час[ов] поехали всей семьей мимо здания фотографии и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17 дек[абря] извергами в доме Ф. Юсупова, <...> стоял уже опущенным в могилу. О[тец] Ал[ександр] Васильев отслужил литию, после чего мы вернулись домой».

Это было начало конца. Высокопоставленные князья и политики под рукоплескание безответственной толпы совершили коварное и жестокое преступление «ради России и императорской семьи», убив того, кого императорская семья искренне почитала и с кем связывала и благополучие страны, и свое личное. Этим убийством была окончательно сокрушена воля императора. Зачем продолжать править страной, если уже и родные творят злодеяния и ради тебя бессудно убивают твоих друзей? Дежуривший у великих княжон в Александровском дворце адъютант великого князя Михаила Александровича с тяжелым чувством вспоминал дни, последовавшие непосредственно за убийством Распутина, как великие княжны, все четверо, в одной из спален «забрались на диван и тесно прижались к друг другу. Им было холодно и, видимо, жутко, но имя Распутина и в тот длинный вечер ими не было при мне произнесено. Им было жутко не оттого, что именно этого человека не было больше в живых, а потому что ими, вероятно, чувствовалось то ужасное и незаслуженное, что с этим убийством для их матери, отца и для них самих началось и к ним неудержимо начало приближаться». Адъютант попытался как-то рассеять их тяжелое настроение и успокоить их, но безуспешно.

Тем временем великие князья, дядья императора, начали хлопотать, чтобы убийц не подвергли какому бы то ни было наказанию, и направили для этого делегатом для уговоров императора великого князя Александра Михайловича, мужа сестры императора Ксении. 21 декабря великий князь приехал в Царское Село. Он произнес перед императором блестящую защитительную речь, призывая смотреть на великого князя Дмитрия Павловича и на своего зятя Феликса Юсупова не как на обыкновенных убийц, а как на патриотов, хотя и вступивших на ложный путь, но вдохновленных идеей спасения Родины. Император терпеливо выслушал его пылкую речь и, когда тот закончил, немного помолчал и сказал: «Ты очень хорошо говоришь, но ведь ты согласишься с тем, что никто – будь он великий князь или же простой мужик – не имеет права убивать»⁸.

Император распорядился в качестве наказания отправить великого князя Дмитрия Павловича на фронт в Персию, а князя Феликса Юсупова – в его имение в Курской губернии. 29 декабря великие князья и княгини направили императору письмо, прося его смягчить суровое, с их точки зрения, наказание и не посылать Дмитрия Павловича на персидский фронт, так как «известно, в каких тяжелых условиях находятся наши войска в Персии ввиду отсутствия жилищ, эпидемий и других бичей человечества», а вместо этого послать его в имение, в Усово или Ильинское. Письмо подписали великие князья и княгини Ольга, Мария, Кирилл, Виктория, Борис, Андрей, Павел, Мария, Елизавета, Иоанн, Елена, Гавриил, Константин, Игорь, Николай и Сергей Михайловичи. На этом письме император Николай II написал: «Никому не дано право заниматься убийством; знаю, что

совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне».

В минуты испытаний, когда особенно требовалось мужество, великая княгиня Елизавета Федоровна вдохновлялась подвигом Жанны д'Арк и в некоторых случаях цитировала ее изречения. Она писала государю 29 декабря 1916 года: «Слова св[ятой] Жанны д'Арк: „Когда я гневаюсь, что люди не спешат верить моим словам, которые я говорю от Бога, я уединяюсь и молюсь Ему. Я жалеюсь Ему, что те, к кому я обращаюсь, больше не готовы мне верить. Оканчиваю молитву – и слышу Голос, который говорит мне: „Дочь Божия! Иди! Иди! Я буду твоим Помощником, иди!“ И, слыша этот Голос, я ликую. Я сумею, я всегда буду слышать его“».

Читая эти святые, вселяющие мужество слова, я решаюсь смиренно обратиться к тебе, дражайший Ники, с несколькими словами еще в старом году. Не могу понять твоего молчания – молчания, которым все вы, мои дорогие, казните меня. В ответ на мое письмо, и в самом деле написанное сильно, ты снисходительно сообщил, что получил мое послание; может быть, ты нашел, что я слишком самонадеянна, и потому ничего не сказал при встрече. Но я никогда не лгала тебе; может быть, я и бывала резка, но всегда откровенна, и мне кажется трусостью умолчать о том, что знаешь и чувствуешь, боясь непонимания или скорбей. Я высказала Аликс все свои страхи, тревогу, переполнявшую мое сердце, – словно большие волны захлестывали всех нас, – и в отчаянии я устремилась к тебе. Я люблю так преданно, что предупреждаю тебя: все сословия от низших до высших, и даже те, кто сейчас на войне, дошли до последней черты... Она велела мне не говорить с тобой, поскольку я уже тебе писала, и я уехала с таким чувством – встретимся ли мы еще когда вот так? Какие еще трагедии могут произойти, какие страдания нас ждут?

Приехав сюда, я ощутила, что моя внутренняя тревога растет, и отправилась на дивную всенощную у преподобного Сергия, молилась у его мощей за всех, всех, чтобы темные тучи развеялись и ты видел ясно. А потом поехала в Саров и Дивеево. Десять дней молилась за вас, за твою армию, страну, министров, за болящих душой и телом, и имя этого несчастного^а было в помяннике, чтобы Бог просветил его, и... Возвращаюсь и узнаю, что Феликс убил его, мой маленький Феликс, кого я знала ребенком, кто всю жизнь боялся убить живое существо и не хотел становиться военным, чтобы не пролить крови. Я представила, через что он должен был переступить, чтобы совершить этот поступок, и как он, движимый патриотизмом, решил избавиться своего государя и страну от источника бед. Я телеграфировала Дмитрию, не зная, где сейчас мальчик, но ответа не получила, и с тех пор все покрыто каким-то молчанием <...>. Не хочу знать подробности, говорят, замешаны очень многие, все высланы в разные края, и слава Богу, что это было сделано, преступление остается преступлением, но это, будучи особого рода, может быть сочтено дуэлью и делом патриотизма, а за такие проступки закон, я думаю, смягчает наказание. Может, ни у кого не достало смелости сказать тебе, что на улицах города, и не только там, люди целовались, как в пасхальную ночь, в театрах пели гимн, все были захвачены единым порывом – наконец черная стена между нами и нашим государем исчезла, наконец все мы услышим, почувствуем его таким, каков он есть. И волна сострадательной любви к тебе всколыхнула все сердца. Бог даст, ты узнаешь об этой любви и

^а Григория Распутина.

почувствуешь ее, только не упusti этот великий момент, ведь гроза еще не кончилась и вдалеке раздаются громовые раскаты. О, если б ты знал, как все молятся со слезами и тугой, чтобы Господь просветил тебя. О Ники, дорогой, увидь вещи такими, какие они есть, о, поверь мне, слабой, ничтожной, смиренной, но верной твоей подданной, что я говорю правду. О, пусть преподобный Серафим посетит тебя своим святым словом и поведет к благоденствию твоей страны, Церкви и дома. У тебя на сердце, должно быть, так тяжело, несмотря на твою глубокую веру в Бога, наверняка у тебя болит сердце, и, может быть, сомнение в своей правоте уже стучится у дверей твоего сознания – не затворяй их, открой, милый, и ради всеобщего блага впусти эту ясную мудрость свыше. <...> Пусть в новом, 1917 году тучи развеются, солнце воссияет над всей любимой Россией, победы, внешние и внутренние, принесут славный мир тебе, нашему возлюбленному государю, всем-всем твоим подданным и мне, одной из них.

Благослови тебя Господь. Бог в помощь.

Твоя преданная сестра Элла».

17 февраля императрица Мария Федоровна написала сыну письмо в поддержку просьбы родственников. «<...> Ты знаешь, как ты мне дорог и как мне тяжело, что не могу тебе помочь. Я только могу молиться за тебя и просить Бога подкрепить тебя *et t'inspirer a faire tout ce que tu peux pour le bien de notre chere Russie* [внушить тебе сделать все, что можешь, для блага нашей дорогой России]. Я уверена, что ты сам чувствуешь, что твой резкий ответ семейству глубоко их оскорбил, бросив им ужасное и совершенно незаслуженное обвинение.

От всего сердца надеюсь также, что ты смягчишь участь Дмитрия П[авловича], не отправляя его в Персию, где летом настолько ужасный климат, что он, с его плохим здоровьем, просто его не вынесет... »

Следствие по делу убийства Распутина ничем не закончилось. Разрушались не только нравственные устои общества, но и закон, к подножию царского престола подступала анархия, вдвойне гибельная во время беспощадной войны.

Последствия Февральской революции сказались на всех, сказались они и на жизни Марфо-Мариинской обители и ее настоятельницы. 1 марта 1917 года «взбунтовавшаяся толпа окружила ее дом, к которому <...> подъехал экипаж, полный людей <...>, пришедших за ней, чтобы доставить ее в зал городской Думы в качестве германской шпионки. Она уснула всех испуганных женщин в заднюю часть дома и вышла к пришедшим за ней людям. „Что вам от меня нужно?“ – спросила она. „Мы пришли за вами, чтобы предать вас суду. У вас спрятано оружие и германские князья скрываются в вашем доме“. – „Войдите, – сказала она, – ищите везде, но пусть лишь пятеро из вас войдут“. – „Оденьтесь, чтобы идти с нами“, – заявили они. „Я настоятельница монастыря, – сказала она, – и должна сделать кое-какие распоряжения и проститься с моими сестрами“. Она собрала сестер в церкви для пения молебна. Затем, обращаясь к революционерам, сказала: „Войдите в церковь, но оставьте ваше оружие у входа“. Они последовали за нею. После молебна она подошла ко кресту, приглашая революционеров следовать за нею. Под влиянием ее необычайного спокойствия они пошли за нею и приложились ко кресту. „Теперь идите за поисками того, что вы думаете у меня найти“. Священник о[тец] Митрофан Сребрянский пошел с ними, и они вскоре вернулись к шумящей вне монастыря толпе со словами: „это монастырь, и ничто больше“. Обаяние всего ее облика было так велико, что невольно покорило даже революционеров. Один из них <...>

даже похвалил жизнь сестер, сказав, что у них не замечено никакой роскоши, а наблюдается только повсюду порядок и чистота, в чем нет ничего предосудительного. Видя его искренность, великая княгиня вступила с ним в беседу об отличительных особенностях социалистического и христианского идеала. „Кто знает, – заметил в заключение ее <...> собеседник <...>, – быть может, мы идем к одной цели, только разными путями“, – и с этими словами покинул обитель».

«Очевидно, мы недостойны еще мученического венца», – сказала Елизавета Федоровна в ответ на слова сестер, поздравлявших ее с благополучным исходом.

Вскоре великую княгиню посетили некоторые члены Временного правительства, чтобы принести извинения за причиненное беспокойство. Они без обиняков сообщили ей, что у них нет никаких средств бороться с надвигающейся анархией, и предложили переехать в Кремль, где ее будет легче охранять.

«Я выехала из Кремля не с тем, чтобы быть загнанной туда революционной силой. Если вам трудно охранять меня, прошу вас отказаться от всякой к этому попытки», – сказала она.

В июне 1917 года Елизавету Федоровну посетила ее племянница, великая княгиня Мария Павловна. «Вокруг нее ничего не изменилось, – вспоминала она, – атмосфера была все той же, но меня поразил ее усталый и больной вид. Она, прежде всегда в движении, теперь проводила большую часть своего времени в плетеном шезлонге за вышивкой или каким-нибудь вязаньем.

Мы подробно обсудили текущие события и приведшие к ним причины. Однажды вечером, рассказывая ей о жизни пленного императора и его семьи, я прибавила, что если она хочет послать им письмо, я могла бы найти способ его передать.

Ее глаза стали жесткими и холодными, губы сжались. Она довольно резко ответила, что не может послать письмо; ей нечего сказать; она и ее сестра, императрица, давно уже перестали понимать друг друга».

Летом 1917 года Елизавету Федоровну посетил представитель шведского посольства и передал ей предложение кайзера Вильгельма уехать за границу. «Кайзер много раз предлагал ей при посредстве шведского посольства укрыться в Пруссии, поскольку Россия на пороге ужасных событий. Он это знал лучше, чем кто бы то ни было, не будучи сам чужд потрясений, охвативших нашу страну. Но великая княгиня ответила ему, что никогда добровольно не покинет ни свой монастырь, ни Россию».

«21 ноября 1917 года Елизавета Федоровна присутствовала в Успенском соборе Московского Кремля на интронизации Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона».

Пришедшие к власти большевики на первых порах довольно терпимо относились к Марфо-Мариинской обители и ее настоятельнице. Существовавшая в обители больница была ими зарегистрирована, и сестры стали получать пайки. «С 1917 года, – указывалось в акте обследования обители от 22 мая 1922 года, – средства добывались работой сестер и сверх того община стала получать помощь от райсовета ввиду существовавшей больницы на 30 коек (хирургическое, терапевтическое отделения) с амбулаторным приемом до 100 человек в день, а также бесплатной столовой для бедных на 450 человек <...>. Дважды в неделю грузовик доставлял обычный тогда провиант – воблу, черный хлеб, овощи, сахар, суррогатные жиры».

После заключения в марте 1918 года Брест-Литовского мира с Германией

немецкие власти получили разрешение вывезти великую княгиню за границу, но она отказалась: «Я никому ничего дурного не сделала: буди воля Господня!» Это была для нее последняя возможность сохранить жизнь.

На третий день Пасхи, 7 мая 1918 года, Патриарх Тихон служил литургию на Большой Ордынке в храме Иверской иконы Божией Матери; после службы он посетил Марфо-Мариинскую обитель и побеседовал с настоятельницей и сестрами. В этот же день Елизавета Федоровна была арестована. «Она попросила дать ей два часа – все обойти, сделать распоряжения. Дали полчаса. <...> Повели ее к машине вместе с келейницей Варварой^а и сестрой Екатериной^б. <...> сестры бежали за машиной, сколько хватило сил... »

Узнав о случившемся, Патриарх Тихон стал хлопотать о ее освобождении, но все усилия остались тщетны.

На следующий день после ареста великая княгиня написала сестрам письмо. «Да утешит и укрепит всех вас Воскресение Христово, – писала она. – В 6 часов проехали Ростов, вечером Троице-Сергиеву... Да сохранит нас всех с вами, мои дорогие, преподобный Сергей, святитель Димитрий и святая Евфросиния Полоцкая. Мы очень хорошо едем. Везде снег.

Не могу забыть вчерашний день, все дорогие милые лица. Господи, какое страдание в них, о, как сердце болело. Вы мне стали каждую минуту дороже. Как я вас оставлю, мои деточки, как вас утешить, как укрепить? Помните, мои родные, всё, что я вам говорила. Всегда будьте не только мои дети, но послушные ученицы. Сплотитесь и будьте как одна душа – все для Бога, и скажите, как Иоанн Златоуст: „Слава Богу за все!“ <...>

Если нигде не будет опоздания, тогда на пятый день только прибудем. Екатерина вернется скорее к вам, все расскажет, как мы устроились. <...> Мало спали, потому что думы, думы ползут. Спасибо за провизию. По дороге достанем еще. Стараюсь читать преподобного Сергия. У меня с собой Библия, будем читать, молиться и надеяться.

Ради Бога, не падайте духом. Божия Матерь знает, отчего Ее Небесный Сын послал нам это испытание в день Ее праздника.

„Господи, верую, помоги моему неверию“. Промыслы Божии неисповедимы».

Сестры со своей стороны написали настоятельнице письма, и в ответ она прислала общее письмо для всех и 105 записочек, по числу сестер, с соответствующим для каждой изречением из Священного Писания.

«Не могу выразить, как я до глубины души тронута, обрадована вашими письмами, – писала она. – Все без исключения вы мне написали, что будете стараться жить так, как я часто с вами об этом говорила.

О, как вы теперь будете совершенствоваться в спасении. Я уже вижу начало благое. Только не падайте духом и не ослабевайте в ваших светлых намерениях, и Господь, Который нас временно разлучил, духовно укрепит. Молитесь за меня, грешную, чтобы я была достойна вернуться к моим деткам и усовершенствовалась для вас, чтобы мы все думали, как приготовиться к вечной жизни.

Вы помните, что я боялась, что вы слишком в моей поддержке находите крепость для жизни, и я вам говорила: „Надо побольше прилепиться к Богу“. <...> Теперь мы все переживаем одно и то же и невольно только у Него находим

^а Яковлевой.

^б Янышевой.

утешение нести наш общий крест разлуки. Господь нашел, что нам пора нести Его крест. Постараемся быть достойными этой радости. Я думала, что мы будем так слабы, не доросли нести большой крест. „Господь дал, Господь и взял. Как угодно было Богу, так и сделалось. Да будет имя Господне благословенно навеки“. Какой пример дает нам святой Иов своей покорностью и терпением в скорбях. За это Господь потом дал ему радость. Сколько примеров такой скорби у святых отцов во святых обителях, но потом была радость. Приготовимся к радости быть опять вместе. Будем терпеливы и смиренны. Не ропщем и благодарим за все...»

Вскоре Елизавета Федоровна и ее спутницы Варвара и Екатерина прибыли в Екатеринбург. Здесь они поселились в гостинице купца В.А. Атаманова, где уже жили высланные сюда ранее князья Иван, Константин и Игорь Константиновичи и князь Владимир Палей. Великий князь Сергей Михайлович с секретарем Федором Ремезом жили отдельно на квартире бывшего управляющего отделением Волжско-Камского банка в Екатеринбурге В.П. Аничкова.

11 мая 1918 года Президиум Уральского областного Совета постановил: «Всех лиц, принадлежавших к царствовавшему до революции дому Романовых, <...> выслать вместе с их семьями в г[ород] Алапаевск под надзор местного Совета».

Узнав об этом решении, Елизавета Федоровна подала заявление с просьбой: оставить ее в Екатеринбурге и разрешить жить в Ново-Тихвинском монастыре. 18 мая областной Совет отклонил просьбу великой княгини.

20 мая 1918 года Елизавету Федоровну и сестер доставили в Алапаевск, куда были отправлены и князья. Всех поселили в здании Напольной школы на краю города. Это было кирпичное одноэтажное здание из четырех больших и двух малых комнат и кухни. Угловую комнату с левой стороны занимала охрана, состоявшая из шести человек. Далее по той же стороне шли три комнаты. В первой жили Сергей Михайлович и Владимир Павлович Палей со своими служащими – секретарем Ремезом и лакеем Круковским, позднее здесь поселился еще врач Сергея Михайловича, доктор Гельмерсен. В следующей – Константин и Игорь Константиновичи. Угловую комнату занимали Елизавета Федоровна и две сестры Марфо-Мариинской обители. В угловой комнате с правой стороны жил Иван Константинович, в следующей размещался лакей Калинин, дальше шла кухня.

Обед готовили повариха Кривова и ее помощница Поздина-Замятина. Позже, давая показания по делу об убийстве Елизаветы Федоровны и князей, они рассказали: «В комнатах князей была только самая простая, необходимая обстановка: простые железные кровати с жесткими матрацами, несколько простых столов и стульев <...>. К часу дня я готовила завтрак, в четыре подавался чай, а в семь часов – обед... князья занимались чтением, гуляли, работали в находящемся при школе огороде. С разрешения разводящего красноармейского караула князья ходили в церковь и совершали прогулки в поле, которое начинается за школой; ходили одни, без охраны. Великая княгиня Елизавета Федоровна занималась рисованием и подолгу молилась; завтрак и обед ей подавали в комнату; остальные князья собирались для завтрака и обеда в комнату Сергея Михайловича, служившую также и общей столовой». «В мае месяце, когда я прислуживала князьям, они пользовались достаточной свободой: беспрепятственно гуляли по поляне близ школы, работали в огороде и ходили в церковь; в огороде работали все князья и княгиня и своими руками наделали гряды и цветочные клумбы; во дворе также всё вычистили и привели в порядок,

так что получился чистый и уютный уголок, где князя нередко под открытым небом пили чай, читали и беседовали».

21 июня 1918 года положение узников резко ухудшилось: их перевели на тюремный режим, у них было отобрано имущество и почти все деньги. К этому времени были увезены в Екатеринбург доктор Гельмерсен, лакеи князей и бывшие при настоятельнице сестры Марфо-Мариинской обители, Варвара (Яковлева) и Екатерина (Янышева); им было объявлено, что они свободны и могут ехать куда захотят. Варвара выразила пожелание разделить заключение с настоятельницей. Большевики потребовали, чтобы она письменно подтвердила, что ее выбор добровольен и соответствует ее собственному желанию.

26 июня она дала соответствующую расписку: «Я, нижеподписавшаяся, <...> сестра Марфо-Мариинской Обители милосердия Варвара Алексеевна Яковлева, даю настоящую расписку <...> в том, что после перевода на тюремный режим настоятельницы обители Елизаветы Федоровны Романовой, при которой я находилась в качестве сестры-келейницы, мне было предложено право свободного проживания.

Желая разделить с арестованной ее участь, ввиду ее немолодого возраста и устава обители, не позволяющего оставлять настоятельницу одну, я заявляю, что согласна на заключение под стражу, на равных с остальными заключенными условиях, с полным подчинением режиму, установленному областным Советом, причем даю обязательство против примененной меры не протестовать и не возбуждать ходатайства о своем освобождении впредь до окончания заключения под стражу остальных. Ввиду того, что заключение меня будет вызвано моим желанием, я обязуюсь довольствоваться из своих личных средств».

В тот же день областной Совет отправил телеграмму Алапаевскому Совету: «Расписка областным Советом получена. Варвара Алексеевна Яковлева может быть при Елизавете Романовой, соблюдая условия, указанные в расписке».

Инокиня Варвара (Яковлева) вернулась в Алапаевск, а Екатерина (Янышева), как было условлено с Елизаветой Федоровной ранее, уехала в Москву.

Приближалось время мученической кончины. По свидетельству одного из убийц Елизаветы Федоровны Василия Рябова, убийцы знали, что судьба всех членов императорского дома, включая и тех, кто находился в Алапаевске, решена большевистским правительством, и они ждали только сигнала, чтобы привести приговор в исполнение. Было уже определено и место казни – это была заброшенная полузатопленная шахта в двенадцати верстах от Алапаевска. Получив 17 июля сообщение из Екатеринбурга об убийстве царской семьи, они немедленно приступили к действиям.

В полдень 17 июля убийцы прибыли в Напольную школу, отобрали у узников последние деньги и сообщили им, что они будут переведены в другое место. Прибывшие удалили из здания весь караул, состоявший из красноармейцев, не посвященных в дальнейшие планы относительно судьбы узников. Несколько раньше обычного, к шести часам вечера, им был подан обед, причем убийцы заметно нервничали и торопили, чтобы те пообедали побыстрее.

Поздно ночью, когда город уже глубоко спал, убийцы стали входить в комнаты узников. Сначала они прошли через незапиравшуюся дверь в помещение женщин и, разбудив их, предложили им немедленно одеться, объяснив это угрозой вооруженного нападения на них, и что по этой причине они должны быть перевезены в безопасное место. Те безропотно подчинились. Убийцы связали им за спиной руки, завязали глаза и усадили на подводу, которая

затем двинулась к месту казни.

Вернувшись, убийцы постучали в комнату, занимаемую мужчинами, им было сообщено то же, что и женщинам. Они так же безропотно подчинились приказанию. Князей Ивана, Константина и Игоря Константиновичей, князя Владимира Палея и Федора Ремеза вывели в коридор, завязали глаза, завели руки за спину, связали и, посадив на другую подводку, отправили ее вслед за первой.

Великий князь Сергей Михайлович, давно уже догадывавшийся, что их всех убьют, и уверившийся в этом в особенности после того, как их перевели в Алапаевск и здесь – на тюремный режим, на приказание одеться заявил, что он никуда не поедет, так как знает, что их всех убьют. Он забаррикадировал дверь в комнату шкафом, и все усилия убийц схватить его некоторое время ни к чему не приводили. Тогда один из убийц, Рябов, выстрелил, ранив великого князя в руку, после чего тот прекратил сопротивление. Убийцы перевязали ему рану, завязали глаза и усадили на телегу. Занималась заря, начинало рассветать. Убийцы все более нервничали и торопились. Дорогой великий князь, несмотря на ранение, не жаловался на боль, только еще раз повторил, что знает, что их всех убьют, но не знает, за что его собираются убивать, так как политикой он не занимался, любил спорт, играл в бильярд, занимался нумизматикой. Рябов, пытаясь успокоить жертву, в ответ бесстыдно лгал, говоря, что их просто перевозят в другое место.

Наконец все остановились около заброшенной шахты. Шахта, как выяснилось впоследствии, оказалась затоплена водой не полностью и имела боковой выступ. Первой убийцы подвели к шахте великую княгиню Елизавету Федоровну и, столкнув ее вниз, услышали всплеск, а затем движение в воде. За ней столкнули ее келейницу Варвару. Снова услышали всплеск, а затем голоса обеих. Затем столкнули остальных. Великий князь Сергей Михайлович вновь оказал сопротивление и был убит выстрелом в голову и сброшен в шахту мертвым. Еще раз прислушавшись, убийцы услышали голоса не только женщин, но и мужчин. Рябов бросил в шахту гранату, взрывом которой был убит Федор Ремез. На некоторое время все смолкло, а затем снова послышались голоса и чуть слышный стон.

Рябов бросил еще одну гранату. В ответ убийцы услышали пение «Спаси, Господи, люди Твоя...». Гранат больше не было. Убийцы завалили шахту сухим хворостом и валежником и подожгли. Из-под густого дыма послышалось молитвенное пение, которое продолжалось некоторое время, а затем все стихло. После того как из шахты перестали слышаться какие-либо признаки жизни, убийцы, оставив около нее охрану, вернулись в Алапаевск. На соборной колокольне ударили в набат, на звук которого сбежался едва ли не весь город. Убийцы объявили жителям, что неизвестные люди увезли князей.

В середине сентября 1918 года город был занят войсками Белой армии и началось расследование преступления. 11 октября из шахты были извлечены тела Елизаветы Федоровны, а затем всех остальных. Судебно-медицинский осмотр показал, что у великой княгини были кровоподтеки «в черепной области и в области груди и живота <...>, могущие произойти как от ударов каким-либо тупым твердым предметом, так и от ушибов при падении с высоты». Елизавета Федоровна скончалась от ран и удушья, на ее груди была обнаружена икона Спасителя с драгоценными камнями, подаренная ей императором Александром III в день ее перехода в православие, 13 апреля 1891 года. Пальцы

на руке инокини Варвары были сложены для совершения крестного знамения.

19 октября гробы с останками при многочисленном стечении народа были перенесены к Напольной школе, где была отслужена лития, после чего процессия направилась в Свято-Троицкий собор в Алапаевске, в котором была совершена литургия, а затем тела были положены в склепе.

Красная армия стала снова приближаться к городу, и 14 июля 1919 года игумен Серафимо-Алексеевского скита при Свято-Николаевском Белогорском монастыре Серафим (Кузнецов), получив разрешение адмирала Колчака перевезти тела в безопасное место, направился в выделенном для него отдельном вагоне в сторону Читы. Но войска Красной армии стали приближаться и к Чите, и 11 марта 1920 года вагон вместе с отступавшими частями Белой армии двинулся к границе Китая. В апреле 1920 года гробы были привезены в Пекин. После совершения заупокойной службы они были помещены в одном из склепов на кладбище Русской миссии. Хлопотами сестры Елизаветы Федоровны, принцессы Виктории Баттенбергской, гробы великой княгини Елизаветы и инокини Варвары были доставлены в 1921 году в Иерусалим. По прибытии в Иерусалим они были встречены русским и греческим духовенством, английскими властями и местными жителями.

Погребение преподобномучениц совершил Патриарх Иерусалимский Дамиан в сослужении многочисленного духовенства; гробы были помещены в расположенную под сводами нижнего храма святой Марии Магдалины усыпальницу. В 1981 году по благословению Патриарха Иерусалимского Диодора были обретены мощи преподобномучениц великой княгини Елизаветы и инокини Варвары и помещены в храм святой Марии Магдалины.

Незадолго перед арестом, в апреле 1918 года, Елизавета Федоровна писала графине Александре Олсуфьевой: «Если мы глубоко вникнем в жизнь каждого человека, то увидим, что она полна чудес. Вы скажете, что жизнь полна ужаса и смерти. Да, это так. Но мы ясно не видим, почему кровь этих жертв должна литься. Там, на небесах, они понимают всё и, конечно, обрели покой и настоящую родину – Небесное Отечество.

Мы же на этой земле должны устремить свои мысли к Небесному Царствию, чтобы просвещенными глазами могли видеть всё и сказать с покорностью: „Да будет воля Твоя“.

Полностью разрушена „Великая Россия, бесстрашная и безукоризненная“. Но „Святая Россия“ и Православная Церковь, которую „врата ада не одолеют“, существуют, и существуют более, чем когда бы то ни было. И те, кто верует и не сомневается ни на мгновение, увидят „внутреннее солнце“, которое освещает тьму во время грохочущей бури.

Я не экзальтирована, мой друг. Я только уверена, что Господь, Который наказывает, есть Тот же Господь, Который и любит. Я много читала Евангелие за последнее время, и если осознать ту великую жертву Бога Отца, Который послал Своего Сына умереть и воскреснуть за нас, то тогда мы ощутим присутствие Святого Духа, Который озаряет наш путь, и тогда радость становится вечной даже и тогда, когда наши бедные человеческие сердца и наши маленькие земные умы будут переживать моменты, которые кажутся очень страшными».

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской. Июль. Ч.1»

Тверь. 2016. С. 60-191

Примечания

¹ Дворец графа М.С. Воронцова в Алушке был построен по проекту англичанина Эдуарда Блора; впоследствии он спроектировал части Виндзорского, Ламбетского и Букингемского дворцов для королевы Виктории.

² Сам Константин Константинович был совершенно иного мнения о своих способностях и возможностях на поприще служения Отечеству на государственной должности и в этих же самых числах, 18 марта 1899 года, записал в дневнике: «Меня в высших сферах считают либералом, мечтателем, фантазером и выставляют таковым перед государем. И он, думается мне, сам приблизительно такого же обо мне мнения. Он не видит во мне того, за что меня выдвигают в общественном мнении, во мнении неправящих классов; у царя, кажется мне, есть против меня некоторое недоверие; по крайней мере за четыре с половиной года его царствования он ничем не показал мне своего доверия, я не получил ни одного самостоятельного назначения, не считая разве Пушкинской юбилейной комиссии».

³ Французский посол Морис Палеолог, в силу своей профессиональной деятельности интересовавшийся людьми, близкими к семье императора, писал о месяце Филиппе: «Филипп Низье-Вашо родился 25 апреля 1849 года в Луазье в Савоие. <...> Когда ему исполнилось тринадцать лет, он отправился в Лион, где стал жить с одним из своих дядей, который определил его к себе на работу в мясную лавку на улице Круа-Русс. <...> В 1872 году он покинул мясную лавку своего дяди и открыл собственный врачебный кабинет по адресу: Северный бульвар, дом № 4, где принимал больных, врачую их с помощью психических флюидов и астральных сил. Среднего роста и крепкого телосложения, простой в обращении, со скромными манерами, мягким голосом и высоким лбом под густыми темными волосами, с ясным, обворожительным и пронизывающим взглядом, он обладал изумительным даром вызывать к себе симпатию и поразительным запасом магнетизма, которые, судя по всему, оказывали сильное воздействие на всех, с кем он вступал в контакт. <... >

В 1887 году доктора Лиона обвинили его в незаконной профессиональной деятельности, он был приговорен к выплате штрафа. Как бывает в подобных случаях, признание его виновным только повысило его репутацию. В 1890 и 1892 годах он вновь предстал перед судом и оба раза был оштрафован. Но на каждом из этих судебных заседаний все свидетельские показания были в пользу обвиняемого. Все свидетели – включая и тех, кого чудотворец не смог вылечить, – дружно подчеркивали его доброту, его сострадание к ближнему, его бескорыстие, его утешительное воздействие и живительную силу, исходившие от него во время приема страждущих, и благотворное умиротворение, присущее даже его еле заметным жестам.

Для того чтобы в будущем не ссориться с законом, Филипп нанял польского врача по имени Стейнцкий, у которого имелся подлинный медицинский диплом и который мог подписывать рецепты Филиппа. Через несколько лет он пригласил в качестве помощника молодого французского доктора Лаланда, ставшего вскоре его зятем. <... >

Каким образом чудотворец из Лиона вступил в отношения с царем и царицей? Об этом мне совсем недавно рассказал Мануйлов, бывший посредником. Встреча состоялась в сентябре 1901 года во время визита русского монарха во Францию. <... >

Великая княгиня Милица сообщила Филиппу, что император и императрица были бы рады побеседовать с ним в Компьене. Он приехал в Компьен 20 сентября. <... >

С первой же встречи Филипп заворожил монархов, которые сразу же уговорили его обосноваться в России. Он немедленно отправился туда. Для него был готов дом в Царском Селе. <...>

Весной 1902 года Александра Федоровна ожидала очередного ребенка. Она не сомневалась, что на этот раз у нее будет сын. Император был также в этом уверен. Филипп поддерживал в них эту веру. Но 1 сентября императрица почувствовала резкую боль, и, прежде чем ей могла быть оказана помощь, она увидела, что все ее надежды рухнули. <...>

Несмотря на все это, император и императрица продолжали преданно верить Филиппу, спокойно приняли его объяснения и полностью сохранили доверие к его магическим силам. <...>

Весной 1903 года нападки на него усилились. Из Парижа от Рачковского поступали необходимые сведения для инициаторов этих нападков. Вооруженный информацией, полученной от французской полиции, Рачковский даже направил доклад непосредственно императору, привлекая его внимание к трем судебным приговорам Филиппу.

Как раз в это время случилось так, что чудотворец отправился в Лион по каким-то семейным делам. Рачковский использовал его отсутствие в России для того, чтобы еще больше восстановить царя против Филиппа в надежде воспрепятствовать его возвращению; но Филипп почувствовал,

что против него замышляется заговор, и 19 апреля 1903 года телеграфировал великому князю Николаю, умоляя его немедленно встретиться с императором и замолвить за него слово.

Не прошло и двух недель, как Рачковский, один из самых значительных чиновников императорской администрации и страж такого большого числа секретов, был без промедления уволен. Никакой компенсации он не получил, даже обещаний на этот счет. Он оказался на улицах Парижа без всяких средств к существованию.

Однако к концу 1903 года дипломатические отношения между Россией и Японией с каждым днем становились все более напряженными. На пороге явно предстала война.

Правильное понимание всей драмы, которой предстояло быть сыгранной на Дальнем Востоке, было далеко за пределами интеллекта бывшего молодого приказчика в мясной лавке. Тем не менее у него хватило смелости предсказать быструю и блестящую победу. Он даже всенародно указал на великого князя как главнокомандующего, которого должен выбрать царь в соответствии с тем, что подсказала Филиппу его гениальная интуиция.

Император был очень ревнив по отношению ко всему, что касалось его власти, и он сразу же понял, что дворцовая клика использует чудотворца для того, чтобы осуществить влияние на него при исполнении его монарших обязанностей. Он немедленно под туманным предлогом отправил Филиппа восвояси, хотя и осыпал его цветами и подарками.

Чудотворец с грустью направил свои стопы к родным пенатам. <...> Вскоре он стал человеком мрачным, с желчным и неуравновешенным характером. Он вообразил, что окружен только врагами, что за ним наблюдает полиция, что его преследуют таинственные и могущественные личности. <... > Он уединился в своей деревушке в Арбреле, где и скончался после непродолжительной болезни 2 августа 1905 года».

⁴ Рапорт чиновника по особым поручениям для министра внутренних дел

Рапорт № 257, Париж – Его превосходительству директору Департамента полиции

Имею честь представить Вашему превосходительству статью из газеты «Тан» о докторе Филиппе:

«Ставки закрыты, и является Филипп, неясный в полумраке. Я с трудом различаю крупного мужчину с высокой, прямой фигурой. Он обходит комнату и говорит каждому, держа его руку в своей: „У меня мало времени для вас, друг мой, но поверьте мне, и вы излечитесь“.

Женщины тогда шепчут что-то ему на ухо, будто признаваясь в любви. Он смотрит на них, улыбаясь им, и они тянутся к нему вверх, как если бы он поднимал их в воздух, заставил оторваться от земли. Когда к нему подводят ребенка, он нежно треплет его по щечке.

Затем наступает великая минута! Филипп произносит речь. Он говорит, что мир – это огненный шар! Потом прибавляет нечто весьма невнятное о причинах всех бед человечества. Этот урок должен быть очень поучительным для присутствующих детей. Потом он говорит о магнетизме, и, видно, на самом деле он не понимает, что это такое, его французский язык очень дурен. Он говорит о существовании Бога, утверждая, что действует от Его имени, и время от времени спрашивает: „Вы слушаете меня?“

Аудитория хором отвечает на это: „Слушаем тебя, учитель“.

– Сам по себе я – ничто, – говорит Филипп.

Аудитория дружно протестует.

Филипп продолжает: „Я – ничто, говорю вам, ничто, не более чем...“ Он окидывает взглядом комнату, обращает внимание на старую даму, которую называли „Маркиза“, и хрипло кричит: „Не более, чем это животное, вон там!“

Старая дама вежливо возражает: „О, гораздо больше, учитель“».

⁵ Ныне город Хаапсалу в Эстонии.

⁶ ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ в 1 день апреля 1911 г[ода] благоугодно было ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ соизволить на приведение в исполнение определения Святейшего Синода от 16 марта 1911 же года, коим утверждался устав устроенной ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ ВЕЛИКОЮ КНЯГИНЕЮ ЕЛИСАВЕТОЮ ФЕОДОРОВНОЮ в г. Москве, на Ордынке, во владении ЕЯ ВЫСОЧЕСТВА Марфо-Мариинской Обители Милосердия.

Ныне Преосвященный Митрополит Московский вошел в Синод с представлением об усвоении сестрам Марфо-Мариинской Обители именованию диаконисс.

По обсуждении такового представления 7 присутствующих в Синоде Преосвященных, а именно Митрополиты Московский Владимир и Киевский Флавиан, Архиепископы – Экзарх Грузии Иннокентий, Финляндский Сергей, Волынский Антоний и Полтавский Назарий и Епископ Холмский Евлогий постановили: старшим сестрам Марфо-Мариинской Обители Милосердия, принятым в Обитель по утвержденному Святейшим Синодом особому церковному чину, давшим обет

диаконалисского служения в продолжение всей своей жизни, усвоить именованье диаконалис. При таком постановлении принято было во внимание: 1) что на обязанности диаконалис в Древней Церкви лежало служение под руководством Епископа делу христианского просвещения и милосердия, наставление в правой вере и доброй жизни, помощь бедным, больным, нуждающимся и скорбящим и христианское утешение, 2) что соответственно запросам, предъявляемым в настоящее время условиями русской церковно-общественной жизни, от членов Православной Церкви, и в том числе от благочестивых жен-христианок, особливо требуется широкая и скорая помощь нуждающимся в духовной и телесной помощи и преимущественная деятельность в трудах миссионерских, просветительных и благотворительных, 3) что опыты применения в условиях современной русской жизни древнего диаконалисского служения в возможном его объеме и в соответствии с действительными потребностями времени и места в каждом отдельном случае представляются весьма желательными и в настоящее время в некоторых сторонах осуществляются уже в иных местах и 4) что учрежденная ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ ВЕЛИКОЮ КНЯГИНЕЮ ЕЛИСАВЕТОЮ ФЕОДОРОВНОЮ Марфо-Мариинская Обитель Милосердия являет собою опыт служения делу христианского милосердия по образу диаконалис Древней Церкви.

Преосвященные же Митрополит С[анкт]-Петербургский Антоний и Епископ Саратовский Гермоген не присоединились к сему постановлению и остались при особом мнении. При этом Митрополит Антоний в своем мнении изъяснил, что, пока не восстановлен чин диаконалис в древнем его значении, сестрам Марфо-Мариинской Обители не может быть усвоено именованье диаконалис, в чине коих оне не состоят. А Епископ Гермоген в особом мнении изложил: 1) что от жен и дев, коим постановлением Синода усваивается именованье диаконалис, требуют лишь одного обещанья служить обители, исполнять обязанности сестер милосердия, просвещения и т. п., словом, требуется лишь одна внешняя – видимая сторона служения, – именно – благотворение, врачеванье, просвещение, никаких других обетов, например духовно-нравственных, духовно-аскетических, вовсе не требуется, и таким образом вся жизнь наименовываемых диаконалисами находится в полном и безусловном распоряжении их самих; 2) что, между тем, внутренняя и внешняя дисциплина Святаго Тела Христова – Церкви не может освоить и сроднить с собою хаотических начал мирских, хотя бы и заключающих в себе благие намерения и стремления, но мирские их элементы должны быть во всей полноте освящены и повиты, как младенец, пеленами строгих священных обетов пред Богом и Церковью, и тогда только испытанная и избранная душа облекается в священно-церковный сан, будет ли это мужчина или женщина: разница лишь в степени приближения их к алтарю Господню; благодатная, святейшая Мать-Церковь собирает и объединяет разрозненные и рассеянные силы избранной, связывает, укрепляет, точно забронировывает их священными обетами полного и всецелаго самоотвержения в обетах девства, чистоты, безграничнаго послушанья и смиренья, освещает наитием Святаго Духа, и только тогда душа небоязненно и безопасно шествует среди бурных волн безбрежнаго житейскаго моря, совершая служение Богу и ближним от имени Самаго Бога и Его Святой Церкви; 3) что в Церкви был только единственныи сан диаконалис и единственныи литургический чин их поставления и посвященья и вовсе не было никогда в Православной Церкви диаконалис, не испытанных предварительно долгим искусом, не дававших обета девства и чистоты и не посвященных архиерейским руковоложением пред алтарем церковным; 4) что лишь у еретиков павликиан девы, не получившия рукоположения, именовались «диаконалисами по одеянию», но сих дев I Вселенский Собор сопричисляет с мирянами; 5) что усвоением именованья диаконалис сестрам Марфо-Мариинской Обители, являющимся во всех отношениях совершенно мирскими, вовсе не дающим предварительнаго обета хранить чистоту и тем более вовсе не желающим и впоследствии дать обет девства на всю жизнь и быть посвященными архиереем по древнему чину пред алтарем церковным, учреждался бы не канонический, а прямо еретический чин диаконалис вопреки православным канонам и 6) что полезно и даже необходимо восстановить чин диаконалис, но на строго канонических началах. В заключение Епископ Гермоген обращается к ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ с мольбою рассудить в этом деле церковном и защитить благотворные и законные церковные установления, ибо Вы, ГОСУДАРЬ САМОДЕРЖЕЦ, являетесь Верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем правоверья и всякаго в Церкви Святой благочинья (Осн. Зак., ст. 64) и в рескрипте ВАШЕМ на имя первоприсутствующаго члена Синода Митрополита Антония от 27 декабря 1905 года благоволили выразить Свою волю, чтобы преобразования в строе нашей отечественной Церкви произведены были на твердых началах вселенских канонов для вящего утверждения православья.

О сем имею долг всеподданнейше представить ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Владимир Саблер.

⁷ Например, в списке должностных лиц и учреждений числились: ректор Московской духовной академии – 100 рублей; главный врач Яузской больницы – 300 рублей; Софийский санаторий в Кисловодске – 200 рублей; Марфо-Мариинская Обитель милосердия – 400 рублей; Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям – 420 рублей и так далее. В списке людей, которым, по мнению великой княгини, следует оказывать помощь в наступившем 1917 году, перечислены: Никита Войнов, курьер Елисаветинского общества, получает небольшое жалованье и имеет большую семью – 50 рублей на обучение детей; Гончуков, отставной полицейский надзиратель, имеет большую семью, живет на пенсию – 100 рублей на воспитание детей; Горская, вдова протоиерея, безвозмездно работавшего в Елисаветинском обществе и общегитии для юных добровольцев – 110 рублей на учение дочери в 5-м классе 4-й Московской гимназии;

Михаил Кутояров, мать не имеет средств – 60 рублей за учение в Сергиевском приюте; Евгения Лопатина, сирота – 100 рублей за учение в Сергиевском приюте; Параскева Рудинкина, вдова кучера, убитого при злодейском убийстве великого князя Сергея Александровича, – 350 рублей на учение дочерей: Натальи в 7-м классе Мариинского училища и Клавдии в 6-м классе Коммерческого училища; Николай Лешин, хромым – 100 рублей; Екатерина Холмогорова, вдова бывшего письмоводителя секретариата, большая семья, бедность – 40 рублей и так далее.

⁸ Круг замкнулся. Сознание части общества упало почти ниже некуда. Каляев, который совершил преступление исходя из ложно понятой идеи служения народу, все же готов был идти за свою идею до конца, до смертной казни включительно; высокопоставленные убийцы, убившие жестоко, садистски доверившегося им человека, считали вместе со своими апологетами, что их убийство может быть оправдано идеей служения Родине. Если для существования России было важно нравственное и религиозное содержание, то при таком повороте дела существовавшая социальная система была обречена безотносительно от того, выиграла бы Россия войну или проиграла. Так полагали и многие новомученики. В социально-политической системе не было содержания, не было жизни, и исчезла она еще до того, как международные авантюристы сокрушили политическую систему, воспользовавшись религиозным, нравственным и социальным кризисом в стране.